ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

ЕВДОКІЯ,

ВО ИНОЧЕСТВѢ

ПРЕПОДОБНАЯ ЕВФРОСИНІЯ,

ОСНОВАТЕЛЬНИЦА

ВОЗНЕСЕНСКАГО ДѢВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ КРЕМЛѢ.

Составлено **А. Е. Викторовымъ**.

Изданіе второе.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова, Большая Якиманка, собственный домъ.
1899.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕВДОКІЯ,

ВО ИНОЧЕСТВѢ

ПРЕПОДОБНАЯ ЕВФРОСИНІЯ,

ОСНОВАТЕЛЬНИЦА

ВОЗНЕСЕНСКАГО ДѢВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ КРЕМЛѢ.

Составлено **А. Е. Викторовымъ.**

Изданіе второе.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ.
1899.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Іюня 19 дня, 1899 года.
Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій.*

Великая княгиня Евдокія, во иночествѣ Преподобная Евфросинія,
основательница Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря.

Великая книгиня Евдокія [1]), супруга в. к. Димитрія Іоанновича Донскаго, была дочь Димитрія Константиновича, князя суздальскаго [2]), и супруги его, княгини Анны. О дѣтствѣ и воспитаніи Евдокіи, и вообще о жизни ея до вступленія ея въ бракъ съ Димитріемъ Іоанновичемъ, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Объ отцѣ ея, Димитріѣ Константиновичѣ, извѣстно, что онъ отличался благочестіемъ и любовью къ духовному просвѣщенію [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ такихъ же правилахъ онъ воспиталъ и дочь свою Евдокію. Послѣдующая благочестивая жизнь ея — въ супружествѣ за Димитріемъ Іоанновичемъ и послѣ его кончины — доказываетъ, что сѣмена благочестія въ ея сердцѣ посѣяны были еще въ юныхъ лѣтахъ. Лѣтописцы, восхваляя добродѣтели и богоугодную жизнь Димитрія Іоанновича, всюду вмѣстѣ съ этимъ восхваляютъ благочестіе и добродѣтели его супруги Евдокіи. „Послѣ брака—говоритъ неизвѣстный составитель житія Димитрія Іоанновича Донскаго — они жили цѣломудренно, какъ златоперсистый голубь и сладкоглаголивая ластовица, и съ ревностію заботились о своемъ спасеніи“ [4]). „Святая и христолюбивая великая княгиня Евдокія—говоритъ ея жизнеописатель — во всемъ усердно подражала жизни державнаго и благонравнаго своего супруга, съ которымъ живя единомысленно въ заповѣдяхъ Господнихъ, родила ему сыновъ и дщерей и въ благочестіи воспитала ихъ“ [5]). Говоря о любви святой Евдокіи къ благолѣпію храмовъ Божіихъ и ея ревности къ устроенію

и украшенію ихъ, лѣтописцы сравниваютъ ее въ этомъ отношеніи съ Маріею, супругой Всеволода Великаго[6]), а по святости жизни ея и добродѣтелямъ, поставляютъ, на ряду съ святою Ольгою, Владиміромъ и другими святыми князьями и княгинями, просіявшими, своимъ благочестіемъ въ землѣ Русской [7]).

Жизнь святой Евдокіи, естественно, раздѣляется на двѣ, почти равныя, половины. Первая половина — отъ вступленія ея въ бракъ съ Димитріемъ Іоанновичемъ до его смерти; вторая—отъ смерти ея супруга до собственной ея кончины. Въ первую половину своей жизни Евдокія является любящею супругой, чадолюбивою матерью, и отчасти принимаетъ нѣкоторое участіе въ жизни государственной. Послѣднюю половину она преимущественно посвящаетъ себя подвигамъ благочестія, устроенію и украшенію храмовъ Божіихъ, и въ особенности Вознесенскаго монастыря, и только заботы о воспитаніи сыновей и возложенныя на нее, въ отношеніи къ нимъ, ея супругомъ обязанности отвлекаютъ ее отъ совершеннаго посвященія себя служенію единому Богу.

Бракосочетаніе Евдокіи съ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ совершено было въ 1366 году, января мѣсяца въ 18 й день. Это было на 18-мъ году жизни Димитрія Іоанновича [8]), въ 6-й годъ его княженія [9]). Брачное торжество было праздновано въ Коломнѣ со всѣмъ великолѣпіемъ и пышными обрядами того времени.

Это событіе, говоритъ лѣтописецъ, преисполнило невыразимою радостію сердца всѣхъ Русскихъ [10]), и тѣмъ болѣе самихъ виновниковъ торжества. Но не долго суждено было Евдокіи наслаждаться безмятежною жизнію счастливаго супружества: по собственнымъ словамъ ея, „не много испытала она радостей въ супружествѣ за Димитріемъ" [11]). Едва лишь введена была она въ царскіе чертоги, какъ страшныя бѣдствія, физическія и политическія, одно за другими, постигли юное государство Московское. Въ самый годъ бракосочетанія Евдокіи, ужасная моровая язва поразила южную Россію, а потомъ и Москву. Въ томъ же году, незадолго до язвы, Москва подверглась другому бѣдствію, столь же страшному: сильный пожаръ, какихъ еще дотолѣ не бывало, въ продолженіи 2-хъ часовъ истребилъ весь городъ и его предмѣстья. Въ 1368 году, только-что отстроившаяся послѣ пожара, столица Димитрія подверглась осадѣ и разоренію отъ Ольгерда, князя литовскаго. Не успѣвъ взять Кремля, гдѣ затворился вели-

кій князь съ вел. княгиней, митрополитомъ и боярами, Ольгердъ страшно опустошилъ окрестности, повелъ въ плѣнъ безчисленное множество жителей, и хвалился, что Москва долго не забудетъ сдѣланныхъ имъ опустошеній. Въ 1370 году Москва снова была осаждаема Ольгердомъ, и хотя онъ не успѣлъ взять ее и долженъ былъ отступить, но снова причинилъ ей много вреда, и, въ отмщеніе за неудачу, снова опустошилъ окрестности.

Всѣ эти бѣдствія нашего отечества, подвергая опасности московскаго государя, его столицу и цѣлое государство, этимъ самымъ сокрушили сердце его юной супруги. Не относясь къ ней лично, они лично касались нѣжнолюбимаго ею супруга; а Евдокія, по своей любви къ Димитрію, готова была лучше сама подвергнуться страданіямъ, нежели видѣть его въ горѣ и опасности. Во время подобныхъ тяжкихъ испытаній нашего отечества, Евдокія, какъ видно изъ послѣдующихъ такихъ же случаевъ ея жизни, не имѣя возможности отклонить угрожавшее или постигшее бѣдствіе, обращалась къ единому прибѣжищу скорбящихъ — къ Богу, и у Него искала заступленія. Она усердно молила Господа о помощи, раздавала нищимъ богатыя милостыни и творила другія дѣла христіанскаго благочестія. Если супругъ ея въ подобныхъ случаяхъ находился внѣ столицы, она, при видѣ грозившей опасности, показывала подданнымъ примѣръ вѣры и преданности Промыслу и надежды на высшую небесную помощь.

Чѣмъ далѣе Евдокія простиралась по тернистому пути своей жизни, тѣмъ онъ становился тяжелѣе и полнѣе испытаній еще большихъ. Такъ, въ 1371 году ее ожидало новое горе — разлука съ Димитріемъ, отправлявшимся почти на вѣрную смерть въ Орду для блага оте-

чества. Это случилось слѣдующимъ образомъ: Михаилъ Александровичъ, великій князь тверской, послѣ тщетныхъ усилій, съ помощію Литвы, одолѣть сильнаго московскаго государя, рѣшился искать помощи для этой цѣли въ Ордѣ. Весною 1371 года онъ отправился къ татарскому хану, и своими происками достигъ того, что послѣдній далъ ему ярлыкъ на великое княженіе Владимірское, принадлежавшее московскому князю. Пріѣхавшій съ Михаиломъ изъ Орды ханскій посолъ Сарыхожа требовалъ Димитрія Іоанновича во Владиміръ для выслушанія ханскаго ярлыка. Димитрій, одинъ разъ уже имѣвшій смѣлость дѣйствовать вопреки распоряженіямъ Орды [12]), и на этотъ разъ остался вѣрнымъ своему характеру, не послушался приказа ханскаго посла, и не пустилъ Михаила на Владимірское княженіе. Естественно, что такой смѣлый поступокъ Московскаго государя долженъ былъ навлечь на него гнѣвъ хана, который держалъ сторону Михаила Тверскаго. Оставалось или открыто возстать противъ татаръ, или прибѣгнуть къ прежнему средству умилостивлять ихъ—къ дарамъ и уничиженію. Въ совѣтѣ великаго князя съ митрополитомъ и боярами избрано было послѣднее средство, и Димитрій рѣшился самъ ѣхать въ Орду, тѣмъ болѣе, что, обольщенный дарами и пріѣхавшій въ это время въ Москву, посолъ Сарыхожа утверждалъ великаго князя въ этомъ намѣреніи, брался предупредить хана въ его пользу и обнадеживалъ въ добромъ пріемѣ. Но, по соображенію съ обстоятельствами дѣла, трудно было надѣяться на успѣхъ этой мѣры. Грамота ханская была еще въ рукахъ Михаила; сильный Мамай, господствовавшій тогда въ Ордѣ именемъ возведеннаго имъ хана Мамантъ-Салтана, не могъ простить Московскому князю двукратнаго ослушанія [13]). На увѣренія Сарыхожи нельзя было положиться:

можно было думать, что посолъ ханскій старается только завлечь Димитрія въ свои сѣти и готовитъ ему вѣрную гибель; можно было опасаться, что Димитрій, отправившись въ Орду, будетъ имѣть участь Михаила Ярославича Тверскаго, бывшаго въ подобныхъ же обстоятельствахъ и замученнаго Татарами [11]). Поэтому всѣ ужаснулись, узнавъ о намѣреніи любимаго государя ѣхать въ Орду. Но Димитрій предпочиталъ своей собственной безопасности безопасность своего народа, который могъ подвергнуться новымъ бѣдствіямъ вслѣдствіе ханскаго на него гнѣва, и поэтому, забывши о предстоящей ему опасности отправился къ хану, напутствуемый благословеніями, святителя Алексія. Зрѣлище было умилительное: митрополитъ Алексій провожалъ великаго князя до береговъ Оки. Тамъ онъ усердно помолился Всевышнему, благословилъ Димитрія и его спутниковъ и поручилъ имъ блюсти драгоцѣнную жизнь государя.

Можно себѣ представить, что должна была во все это время перечувствовать и сколько выстрадать Евдокія, при видѣ такихъ опасностей, угрожавшихъ жизни ея супруга. Лѣтописцы ничего не упоминаютъ о ея положеніи и о волновавшихъ ее въ это время чувствахъ: они говорятъ только о чувствахъ народа, объ ужасѣ его при представленіи опасностей, угрожавшихъ любимому государю, и о любви народа къ Димитрію Іоанновичу, которая всего рѣзче обнаружилась при этихъ обстоятельствахъ; но нѣтъ сомнѣнія, что душевное состояніе Евдокіи въ это время было самое тягостное, и что страданія ея были глубже, нежели кого-либо другого изъ провожавшихъ великаго князя. Нѣтъ сомнѣнія, что и она, подобно святому Алексію, участвовала въ грустномъ провожаніи Димитрія въ Орду, что и она, не съ меньшимъ усердіемъ, возсылала ко Всевышнему теплыя

мольбы о спасеніи жизни и безопасности своего супруга. За отправленіемъ великаго князя слѣдовало нѣсколько мѣсяцевъ томительнаго ожиданія вѣстей изъ Орды и мучительнаго безпокойства объ его участи, особенно усиленнаго необыкновенными физическими явленіями, предвѣщавшими, по общему мнѣнію, великія государственныя бѣдствія. Эти мѣсяцы, проведенные въ неизвѣстности, были для Евдокіи временемъ самой тяжкой скорби и тяжкихъ душевныхъ страданій, и надолго не могли быть ею забыты. Извѣстно, что путешествіе Димитрія въ Орду окончилось благополучно. Великій князь успѣлъ расположить въ свою пользу хана, утвержденъ былъ въ своемъ званіи, получилъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское и отпущенъ былъ съ честію. Но это его путешествіе дорого стоило для любящаго сердца Евдокіи.

Спустя 8 лѣтъ послѣ этого событія, разразилось надъ Россіею новое бѣдствіе—страшная гроза татарская. Мы разумѣемъ незабвенную въ нашей исторіи борьбу Димитрія Іоанновича съ татарами и одержанную имъ надъ ними побѣду. Здѣсь дѣятельность Евдокіи и участіе ея въ общей государственной жизни, свойственнымъ ей образомъ, уже съ большею ясностію выступаютъ предъ нашими глазами и ярко отмѣчены на страницахъ нашихъ лѣтописей. Мы видѣли, что въ 1371 году Димитрій раздражилъ противъ себя Мамая; но въ бытность свою въ Ордѣ дарами и лестію успѣлъ склонить его на свою сторону, и это съ такимъ успѣхомъ, что ханъ согласился даже на уменьшеніе дани, платимой прежде Русскимъ народомъ. Понятно, впрочемъ, что эта уступка произошла не отъ искренняго расположенія хана къ Димитрію, но отъ ослабленія самой Орды, которая, съ одной стороны, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, съ дру-

гой—по причинѣ усиленія Московскаго государства, далеко уже была не такъ самонадѣянна и требовательна, и не такъ страшна для русскихъ, какъ прежде, и по необходимости должна была согласиться на упомянутую уступку. Димитрій видѣлъ это, видѣлъ собственными глазами и вообще слабость Орды, и возвратился въ Москву съ полнымъ сознаніемъ своей силы и съ надеждою на избавленіе. Поэтому онъ не только поощрялъ и помогалъ удѣльнымъ князьямъ отражать набѣги татаръ, приходившихъ, по прежнему обыкновенію, для опустошенія и грабежа пограничныхъ областей, но нѣсколько разъ самъ лично выступалъ противъ раззорителей, или высылалъ войско подъ начальствомъ своихъ воеводъ. Наконецъ однажды, именно въ 1378 году, на берегахъ рѣки Вожи онъ разбилъ наголову отрядъ татаръ, посланныхъ Мамаемъ собственно съ цѣлію смирить и наказать непокорнаго московскаго князя. Это пораженіе привело въ ярость Мамая, и онъ не хотѣлъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не отмститъ Димитрію. Мамаю казалось это тѣмъ легче, что, сдѣлавшись великимъ ханомъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи силы всей Орды и, кромѣ того, надѣялся на помощь отъ Ягайла, князя литовскаго. Русскіе, съ своей стороны, давно уже отвыкнувъ трепетать при одномъ имени татаръ, и особенно ободренные Вожскою побѣдой, готовы были отразить новое нападеніе. Такимъ образомъ, роковая борьба была рѣшена: та и другая сторона жаждала рѣшить дѣло оружіемъ, съ той и другой стороны начали дѣлать приготовленія.

Вовсе несогласно съ нашею цѣлію входить въ подробности этой борьбы. Мы коснемся только тѣхъ ея сторонъ, гдѣ она соприкасается съ жизнію супруги Димитрія, сколько мы можемъ судить объ этомъ по крат-

кимъ, дошедшимъ до насъ, лѣтописнымъ извѣстіямъ. Извѣстно, что Димитрій Іоанновичъ, узнавши о Мамаевомъ нашествіи, по благочестивому обычаю своихъ предковъ, прежде всего поспѣшилъ въ храмъ Богоматери съ молитвою о подаяніи небесной помощи противъ враговъ, и потомъ уже разослалъ гонцевъ для собранія полковъ. Тогда вдругъ все пришло въ движеніе; каждый горѣлъ желаніемъ принять участіе въ предстоящей борьбѣ. Кто не могъ служить отечеству оружіемъ, тотъ ревновалъ служить ему молитвами и дѣлами христіанскаго благочестія. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ Евдокія подавала первый и лучшій примѣръ. Забывая о предстоящей опасности для своего супруга, она помышляла объ одномъ спасеніи отечества, и совершенно посвятила себя молитвѣ и дѣламъ благочестія. По словамъ лѣтописцевъ, она непрестанно ходила въ церковь, проводила тамъ дни и ночи и раздавала бѣднымъ богатыя милостыни [15]). Великій князь, между тѣмъ, устроивъ полки, отправился въ Троицкій монастырь, чтобы принять благословеніе преп. Сергія и просить его молитвъ. Возвратившись въ Москву, онъ велѣлъ выходить войскамъ, а самъ пошелъ въ храмъ Архистратига Михаила. Укрѣпившись тамъ молитвою и поклонившись праху своихъ предковъ, Димитрій вышелъ изъ церкви. Тутъ встрѣтила его Евдокія, окруженная женами князей и воеводъ и множествомъ народа, собравшагося провожать великаго князя. Всѣ плакали, и отъ сильной грусти никто не могъ произнести ни одного слова. Тогда послѣдовало трогательное прощаніе Димитрія съ своею супругой. Окруженный свидѣтелями онъ удержалъ слезы, хотя сильная грусть снѣдала его сердце. Онъ подошелъ къ плачущей Евдокіи и сталъ утѣшать ее. „Оставь слезы, сказалъ онъ, Богъ намъ будетъ заступникомъ и мы не убоимся вра-

говъ“. Затѣмъ, въ послѣдній разъ, онъ обнялъ свою супругу, сѣлъ на коня и отправился въ путь [16]).

Великая княгиня, простившись съ Димитріемъ, взошла съ воеводскими женами въ златоверхній теремъ, сѣла подъ южными окнами къ набережной и грустно смотрѣла вслѣдъ удалявшагося супруга. Ей казалось, что она въ послѣдній разъ видитъ его, и слезы ручьями лились изъ ея очей. Глубоко вздохнувъ и приложивъ руку къ персямъ, она воскликнула: „Господи Боже Великій! призри на меня смиренную, удостой меня еще увидѣть славнаго между людьми великаго князя Димитрія Іоанновича! Крѣпкою рукою Твоею дай ему побѣду на супостатовъ! Да не постигнетъ христіанъ та же участь, какая постигла ихъ на рѣкѣ Калкѣ!.. Не дай погибнуть остатку христіанъ, да славятъ они святое имя Твое! Уныла земля Русская, только на Тебя уповаемъ, Око Всевидящее! У меня осталось три сына, но всѣ они еще въ дѣтскихъ лѣтахъ... Кто защититъ ихъ отъ вѣтра бурнаго и отъ зноя палящаго? Возврати имъ отца и не дай осиротѣть имъ [17]).

Выѣзжая изъ Москвы Димитрій Іоанновичъ оставилъ супругу свою и дѣтей Василія, Юрія и Ивана, на попеченіе воеводы Ѳеодора Андреевича Свибла. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ напряженнымъ страхомъ и надеждою, Евдокія слѣдила за движеніемъ нашихъ полковъ! Скоро получено было извѣстіе, что великій князь со всѣмъ войскомъ переправился чрезъ Оку въ Рязанскую землю и пошелъ на бой противъ татаръ... И начали всѣ скорбѣть и сѣтовать, говоря со слезами: „зачѣмъ великій князь пошелъ за Оку? Если и самъ онъ Божіей милостію спасенъ будетъ, то сколь многіе изъ его воиновъ найдутъ вѣрную смерть въ предстоящей битвѣ?... и скорбя о семъ, безутѣшно плакали“ [18]). Не

въ одной Москвѣ, но и во всѣхъ городахъ, по словамъ лѣтописца, раздавались сильные стоны, плачъ и рыданія. Всѣхъ безутѣшнѣе были женщины, которыхъ мужья и сыновья пошли съ великимъ княземъ за всю землю Русскую—на острыя копья... Многіе изъ нихъ говорили себѣ: „бѣдныя дѣти наши! Лучше бы вамъ не родиться на свѣтъ... тогда мы не испытали бы горькой печали о вашей бѣдственной участи! Зачѣмъ мы, родивъ васъ, сдѣлались виновницами вашей погибели?“ [19]).

Если была такова всеобщая скорбь русскихъ, то великая княгиня Евдокія имѣла гораздо больше причинъ скорбѣть о сомнительныхъ слѣдствіяхъ похода. Въ лицѣ Димитрія Іоанновича она могла потерять нѣжнаго супруга, попечительнаго отца малютокъ-дѣтей и примѣрнаго государя, съ потерею котораго, при малолѣтствѣ сыновей его, отечество должно было подвергнуться новымъ смутамъ междоусобія. Укрѣпляемая вѣрою въ Господа и молитвами къ Его Пресвятой Матери, она усугубляла свои молитвенные подвиги и съ большею ревностію творила дѣла милосердія. Пророчество преподобнаго Сергія о счастливомъ исходѣ битвы, хотя и кровопролитной, конечно было не безъизвѣстно Евдокіи и много утѣшало ее въ ея скорби. Сознаніе правости дѣла Россіи и Димитрія, который, по собственнымъ словамъ его, сказаннымъ преподобному Сергію [20]), съ своей стороны извѣдалъ всѣ средства, чтобы избѣжать кровопролитія, такъ же одушевляло ее надеждою, что Праведное Небо даруетъ христіанамъ побѣду надъ невѣрными и ко благу Россіи, сохранитъ ея супруга отъ предстоящихъ ему опасностей. И надежда Евдокіи не была посрамлена: русскіе, укрѣпляемые небесною помощію, въ день, посвященный празднеству Богоматери (8-го сент.), одержали надъ полчищами Мамая совер-

шенную побѣду, и Димитрій Іоанновичъ чудеснымъ образомъ исхищенъ былъ изъ рукъ самой смерти. Сохраненіе его жизни нельзя объяснить естественнымъ образомъ. Извѣстно, что великій князь, несмотря на увѣщанія остаться назади, чтобы только наблюдать за сражающимися, впереди всѣхъ ринулся противъ враговъ и мужественно сражался, какъ простой воинъ. Во время сраженія одни видѣли его тяжело раненымъ, другіе храбро отбивающимся отъ четырехъ Татаръ, третьи — сбитымъ съ коня и возвращающимся съ боя въ ранахъ. „Враги, говоритъ лѣтописецъ, какъ вода окружили великаго князя съ правой и лѣвой стороны, били, кололи, сѣкли его по головѣ, по плечамъ, по животу; но Господь Богъ милостію Своею и молитвами Его Пречистыя Матери... сохранилъ его отъ смерти [21])“. Когда послѣ сраженія нашли Димитрія лежащимъ въ безпамятствѣ подъ срубленнымъ деревомъ и объявили ему о побѣдѣ, онъ съ трудомъ пришелъ въ себя, съ трудомъ распозналъ, кто съ нимъ говорилъ. Окружающіе увидѣли, что латы и шлемъ его были изсѣчены, но на тѣлѣ не было ни одной смертельной раны. Чудесная сила видимо хранила его среди безчисленныхъ опасностей. Теплыя молитвы Евдокіи, которыя она непрестаннно возносила ко Всевышнему о спасеніи жизни ея супруга, безъ сомнѣнія много содѣйствовали къ сохраненію его жизни.

Возвращеніе Димитрія Іоанновича послѣ побѣды надъ Мамаемъ и шествіе его отъ Куликова поля до вратъ кремлевскихъ было непрерывнымъ тріумфомъ. Въ Коломнѣ, 21-го сентября, торжественно встрѣтилъ побѣдителя татаръ, тамошній епископъ Герасимъ. Въ Москвѣ, куда великій князь прибылъ черезъ 4 дня, сдѣлалъ ему такую же встрѣчу митрополитъ Кипріанъ у Андроньева монастыря. Всѣ горѣли желаніемъ видѣть побѣдителя,

рѣ смотрѣли на него и встрѣчали его съ живѣйшими чувствами любви благодарности. Народъ, по словамъ лѣтописцевъ, повсюду веселился, ликовалъ, видя въ лицѣ Димитрія ангела-избавителя, ознаменованнаго печатію небеснаго благословенія.

Тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала своего побѣдоноснаго супруга великая княгиня Евдокія. Чѣмъ большимъ онъ подвергался опасностямъ, чѣмъ чудеснѣе было его спасеніе, тѣмъ глубже была ея радость, когда она увидѣла его здравымъ и невредимымъ: тѣмъ возвышеннѣе были ея чувства благодарности къ Небесному Хранителю ея супруга и Поборнику православнаго воинства на полѣ битвы. До насъ дошло извѣстіе, что Евдокія встрѣтила великаго князя, когда онъ подходилъ къ Кремлю, у Фроловскихъ воротъ, и вмѣстѣ съ нимъ поспѣшила въ храмъ Успенія Богоматери [22]); тамъ митрополитъ Кипріанъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ совершилъ литургію и благодарственное молебное пѣніе о дарованной побѣдѣ. Молитва Евдокіи, по усердію и искренности ея, вполнѣ соотвѣтствовала той высокой радости, которую она ощущала въ своемъ сердцѣ

Послѣ молебствія великая княгиня возвратилась во дворецъ, въ сопровожденіи своего супруга, который немедленно отправился въ Троицкій монастырь, для принесенія благодарности провозвѣстнику одержанной имъ надъ врагами побѣды,— преподобному Сергію.

Но заря свободы отъ татарскаго ига, которая такъ ярко блеснула было въ душѣ русскихъ, скоро снова покрылась темнымъ облакомъ. Заяицкій ханъ Тохтамышъ, побѣдивши Мамая и сдѣлавшись властителемъ Золотой Орды, хотѣлъ, чтобъ русскіе князья находились къ нему въ такихъ же отношеніяхъ подданства и рабства, въ какихъ они были къ его предшественникамъ въ первыя

времена татарскаго ига. Не успѣвъ этого достигнуть однимъ страхомъ своего имени, онъ рѣшился дѣйствовать силою оружія, и въ 1382 году, собравъ большое войско, пошелъ на Москву. Димитрій Іоанновичъ, узнавши о его приближеніи, сначала хотѣлъ-было смѣло выступить противъ врага, но оказалось очень мало ратниковъ: Куликовская побѣда стоила Русскимъ очень дорого: тамъ палъ лучшій цвѣтъ ихъ военной силы и населенія: „земля Русская, по словамъ лѣтописца оскудѣла совершенно воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ“ [23]). Притомъ и между князьями не было согласія; одни изъ нихъ уже перешли на сторону Тохтамыша, другіе рѣшительно отказались помогать Димитрію. Вслѣдствіе этого великій князь не рѣшился идти на встрѣчу Татарамъ, а отправился сначала въ Переяславль, а потомъ въ Кострому, чтобы собрать тамъ достаточное число войска.

Опять, не имѣя надобности слѣдить за подробностями Тохтамышева нашествія, мы послѣдуемъ за судьбою великой княгини Евдокіи въ эту страшную годину нашего отечества [24]). Когда великій князь уѣхалъ въ Переяславль для собранія полковъ, Евдокія, подъ защитою бояръ, оставалась еще въ Москвѣ, куда скоро (за два дня до нашествія татаръ) прибылъ митрополитъ Кипріянъ [25]). Оставляя свою супругу въ столицѣ, вблизи опасности, Димитрій, очевидно, надѣялся, что Москва можетъ надолго выдержать осаду, по крайней мѣрѣ до того времени, пока не успѣетъ собрать свѣжее войско и явиться на помощь осажденнымъ [26]). Но дѣла приняли скоро другой оборотъ. Едва Тохтамышъ, взявши Серпуховъ, сталъ приближаться къ Москвѣ, какъ тамъ возникло сильное смятеніе. Народъ волновался, потерялъ повиновеніе къ боярамъ и стекался на вѣче, чтобы

рѣшить дѣло большинствомъ голосовъ. Начались распри, несогласія — обыкновенныя слѣдствія безначалія. Нашлись люди, которые, пользуясь этимъ безначаліемъ, стали предаваться разбою и грабежу. Кто хотѣлъ бѣжать изъ города, тѣхъ не пускали, даже убивали, а имѣніе брали себѣ. Митрополитъ Кипріянъ пытался вразумить мятежниковъ, но они его не слушали.

При такомъ состояніи жителей города, уже нельзя было надѣяться на правильную защиту его отъ татаръ, и положеніе Евдокіи, часъ отъ часу, становилось болѣе и болѣе опаснымъ, какъ извнѣ, такъ и внутри. Вслѣдствіе этого она рѣшилась, вмѣстѣ съ митрополитомъ, оставить Москву; но бунтовщики дошли до такого ожесточенія, что не выпускали ихъ изъ города. Представленія и угрозы бояръ не имѣли никакого успѣха. У всѣхъ воротъ кремлевскихъ бунтовщики стояли съ обнаженнымъ оружіемъ, а со стѣнъ бросали камнями въ тѣхъ, кто хотѣлъ бѣжать [27]). Только послѣ долгихъ и усильныхъ просьбъ выпустили наконецъ великую княгиню и съ ней митрополита; но дерзость бунтовщиковъ простиралась до того, что они не постыдились ограбить [28]) бывшихъ съ ними людей.

Изъ Москвы Евдокія отправилась въ Переяславль, чтобъ оттуда, чрезъ Ростовъ, ѣхать въ Кострому, гдѣ былъ ея супругъ. Но на пути ей грозили новыя опасности. Взявъ (26 авг.) и разграбивъ Москву, Тохтамышъ распустилъ войско свое по окрестнымъ городамъ, и одинъ отрядъ татаръ устремился къ Переяславлю. Городъ былъ сожженъ, и большая часть сѣли въ лодки и отплыли на середину озера. Тутъ-то татары едва не захватили въ плѣнъ великой княгини, которая, какъ видно по ходу происшествій, была въ это время или въ самомъ Переяславлѣ, или недалеко отъ этого города, на

пути въ Ростовъ. По извѣстію лѣтописей, татары гнались за нею, но безъ успѣха [29]). Избѣжавъ этой новой опасности, Евдокія благополучно чрезъ Ростовъ прибыла въ Кострому, гдѣ, вмѣстѣ съ супругомъ и дѣтьми, укрывалась до ухода Татаръ. „Такъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, Господь избавляетъ благочестивыхъ отъ напастей. Какъ въ древности Онъ спасъ Ноя отъ всеобщаго потопленія и Лота отъ содомской погибели, такъ и нынѣ, Своимъ милосердіемъ и молитвами Своея Матери, Онъ избавилъ Своихъ новыхъ праведниковъ, великаго князя Димитрія, христолюбивую его великую княгиню Евдокію и святѣйшаго митрополита Кипріяна, отъ всегубительства татарскаго" [30]).

Грустно было возвращеніе великаго князя и великой княгини въ Москву, гдѣ тотчасъ представилась имъ страшная картина бѣдствій, испытанныхъ городовъ отъ татаръ. „Прежде, говоритъ лѣтописецъ, Москва была великимъ и чуднымъ городомъ, кипѣла богатствомъ и славою, и было въ ней большое множество людей" [31]); теперь же въ одинъ день погибла красота ея. Почти всѣ жители ея были побиты, церкви Божіи разграблены и сожжены; повсюду видны были обгорѣлыя зданія, а по улицамъ лежало множество труповъ. Димитрій прежде всего приказалъ похоронить убитыхъ, а потомъ сталъ заниматься возобновленіемъ города и постройкой новыхъ зданій. Можно представить, сколько было пищи и случаевъ для благотворительной дѣятельности Евдокіи при такомъ бѣдственномъ положеніи Москвы, и безъ сомнѣнія она ревностно и усердно пользовалась этими случаями.

Бѣдой Московскаго княжества спѣшилъ воспользоваться давній врагъ Димитрія, князь Михаилъ Тверской. Онъ отправился въ Орду, съ цѣлію отнять у великаго

князя княжество Владимірское и Новгородское. Для противодѣйствія его проискамъ, весною 1383 года, Димитрій долженъ былъ отправить къ Тохтамышу старшаго сына своего Василія съ знатнѣйшими боярами. Посольство кончилось успѣшно: Тохтамышъ склонился на сторону московскаго князя и прислалъ къ нему своего посла съ добрыми рѣчами и пожалованіемъ; но семейство великокняжеское ожидала новая скорбь. Обложивъ Московское государство тяжкою данью, подозрительный Тохтамышъ, въ залогъ вѣрности, задержалъ въ Ордѣ сына Дмитріева Василія, и требовалъ за него выкупа 8000 рублей — суммы, которая слишкомъ велика была для разореннаго Московскаго княжества. Сколько тяжелыхъ думъ должна была испытать въ это время Евдокія объ участи любимаго сына!.. На сколько безопасна жизнь его среди коварныхъ и ожесточенныхъ татаръ? Скоро ли обѣднѣвшая Москва будетъ въ состояніи заплатить хану выкупъ?.. Есть ли какое-нибудь средство для Василія спастись изъ Орды?.. Эти и подобныя мысли терзали сердце Евдокіи, и не ранѣе, какъ черезъ два года, она утѣшена была возвращеніемъ своего сына, спасшагося отъ плѣна посредствомъ бѣгства.

Такъ жизнь Евдокіи текла среди постоянныхъ скорбей, горестей и непрерывныхъ страданій душевныхъ. Испытанныя ею несчастія естественно располагали ее искать утѣшенія въ вѣрѣ, и все болѣе и болѣе приближали сердце ея къ Богу.

Но вотъ наступила самая печальная година въ жизни Евдокіи. Димитрію исполнилось едва 40 лѣтъ отъ рожденія. Молодость, крѣпость здоровья и тѣлосложенія и полнота силъ обѣщали ему, къ радости его супруги, дѣтей и подданныхъ, долгую жизнь. Вдругъ великій князь, къ общему ужасу, подвергся тяжкой болѣзни.

Самъ лучше всѣхъ сознавая опасность своего положенія, онъ призвалъ Преподобнаго Сергія и бояръ, и велѣлъ написать духовное завѣщаніе. Можно представить, въ какомъ горестномъ положеніи была тогда Евдокія. Но она все еще не теряла надежды на выздоровленіе своего супруга, и скоро скорбь ея обратилась въ тихую радость, когда сказали, что ему стало легче. Къ дополненію этого радостнаго извѣстія, въ это время (за 4 дня до смерти великаго князя) у Евдокіи родился 6-й сынъ, нареченный во святомъ крещеніи Константиномъ. Нѣсколько дней послѣ этого событія великая княгиня и бояре утѣшались мыслію о выздоровленіи великаго князя. Но скоро болѣзнь его усилилась еще болѣе противъ прежняго, и онъ сталъ приближаться къ смерти.

Тогда, призвавъ къ себѣ свою супругу, еще слабую вслѣдствіе родовъ [32]), сыновей своихъ и бояръ, великій князь обратился ко всѣмъ съ слѣдующею трогательною рѣчью: „Послушайте меня, сказалъ онъ, вотъ я отхожу къ Господу Богу моему. Ты, дорогая княгиня моя, будь для дѣтей моихъ отцомъ и матерью, наставляй и укрѣпляй ихъ въ послушаніи заповѣдямъ Божіимъ, чтобы они боялись Бога, почитали родителей своихъ и постоянно держали страхъ Божій въ сердцѣ своемъ"... Обратившись къ сыновьямъ своимъ, онъ сказалъ имъ: „Вы, сыновья мои, бойтесь Бога, помните слова Писанія о почтеніи къ родителямъ... и живите между собою въ мирѣ. Я поручаю васъ Богу и вашей матери, и вы всегда оказывайте ей почтеніе. Эту заповѣдь постоянно носите въ груди своей, и слова мои запечатлѣйте въ сердцѣ своемъ! Если окажетесь виновными противъ заповѣди послушанія, вспомните, что говоритъ Писаніе; *клятва отчая разрушаетъ домы чадъ, а воздыханіе матерне до конца искореняетъ ихъ* (Сир. III, 9). Если же будете

послушными, то будете долголѣтними на землѣ и будете благоденствовать. Тогда умножится слава дома вашего, враги ваши падутъ подъ ногами вашими, иноплеменники побѣгутъ предъ лицемъ вашимъ, и нивы ваши умножатся обиліемъ. Любите бояръ своихъ... и будьте привѣтливы къ слугамъ вашимъ, но все дѣлайте согласно съ волею вашей матери. Затѣмъ, подозвавъ къ себѣ бояръ, великій князь обратился къ нимъ съ такими словами: „Вы знаете мой нравъ и обычай, я родился предъ вами и при васъ выросъ, съ вами царствовалъ... Я оказывалъ вамъ честь и любовь, любилъ дѣтей вашихъ, и никому не дѣлалъ зла... всѣхъ любилъ и держалъ въ чести... такъ что вы не были у меня боярами, но князьями земли моей. Теперь вспомните свои слова, которыя вы сказали мнѣ въ свое время: „положимъ головы свои, служа тебѣ и дѣтямъ твоимъ". Настало время выполнить вамъ ваше обѣщаніе. Отъ всего сердца служите княгинѣ моей и дѣтямъ моимъ. Радуйтесь съ ними во время радости и не оставляйте во время скорби, чтобы скорбь ваша преложилась въ радость. Богъ мира да будетъ со всѣми вами"! [33]) Окончивши свои предсмертныя распоряженія и наставленія, Димитрій обнялъ Евдокію и дѣтей, благословилъ ихъ и въ послѣдній разъ простился съ ними и съ своею супругой. Затѣмъ сложилъ руки на груди и предалъ Богу свою непорочную душу [34]). Это было 19-го мая 1389 года.

Мы выписали послѣднюю предсмертную рѣчь Димитрія, помѣщенную въ современномъ сказаніи о житіи и преставленіи сего князя, съ цѣлію—показать, какъ много онъ любилъ свою супругу. Вся эта рѣчь отъ начала до конца проникнута самою нѣжною попечительностію о ея положеніи послѣ его смерти. Оставляя Евдокію въ молодыхъ лѣтахъ подъ вліяніемъ сыновей, онъ внушаетъ

имъ строгія правила почтительности и повиновенія матери. Но этого мало: Димитрій даетъ своей супругѣ надъ сыновьями въ семейной жизни неограниченную власть, какъ лицу, въ которомъ соединяются права отца и матери. Не забыты и бояре, отъ которыхъ также могла зависѣть нѣсколько участь Евдокіи. Имъ даны соотвѣтственныя наставленія въ отношеніи къ вдовствующей княгинѣ.

Ту же нѣжную заботливость о своей супругѣ показалъ Димитрій въ своемъ духовномъ завѣщаніи, написанномъ имъ, какъ мы видѣли за нѣсколько дней прежде смерти. Здѣсь права Евдокіи надъ ея сыновьями утверждены и раскрыты еще съ большею ясностію и подробностію, и кромѣ того отписано ей матеріальное обезпеченіе— богатыя волости и помѣстья. „Приказываю своихъ дѣтей, пишетъ Димитрій въ своемъ духовномъ завѣщаніи, моей княгинѣ. Живите, дѣти мои, въ мирѣ и слушайтесь во всемъ матери“. Затѣмъ благословивши старшаго сына своего Московскимъ княжествомъ и давши удѣлы каждому изъ остальныхъ—своихъ сыновей, дальнѣйшее распредѣленіе между ними наслѣдства онъ поручаетъ Евдокіи. „Если кого-либо изъ моихъ сыновей Богъ возьметъ къ себѣ, то княгиня моя раздѣлитъ удѣлъ его между остальными сыновьями.. А если Богъ дастъ мнѣ сына (завѣщаніе писано за нѣсколько дней прежде рожденія послѣдняго сына Константина), то княгиня дастъ ему удѣлъ, отдѣливши по части у старшихъ его братьевъ... Въ случаѣ смерти старшаго сына Василія, удѣлъ его получитъ старшій по немъ братъ, а удѣлъ послѣдняго княгиня раздѣлитъ между всѣми сыновьями. Вы, дѣти мои, во всемъ слушайтесь своей матери...

Самой княгинѣ Димитрій завѣщалъ по нѣскольку волостей изъ удѣловъ каждаго сына, и потомъ нѣсколько

волостей собственныхъ, пріобрѣтенныхъ имъ самимъ въ продолженіи его царствованія, и утвердилъ за нею тѣ волости, которыя она сама пріобрѣла или получила по наслѣдству. Во всѣхъ областяхъ, отписанныхъ великой княгинѣ, завѣщаніемъ предоставляется ей неограниченный судъ и расправа,—съ тѣмъ различіемъ, что волости, отдѣленныя для княгини изъ удѣловъ ея сыновей, послѣ ея смерти, должны перейти къ прежнимъ ихъ владѣльцамъ; а остальными волостями в. княгинѣ предоставляется полное право распорядиться по собственной волѣ, отдать ли кому изъ сыновей, или пожертвовать на поминовеніе души. Золото, серебро и вообще все домашнее имущество великаго князя, за исключеніемъ нѣсколькихъ вещей, отданныхъ сыновьямъ, отписано такъ же Евдокіи. Ей же поручено раздѣлить съ сыновьями оставшійся домашній скотъ. „А который сынъ мой (такъ заключаетъ Димитрій свое духовное завѣщаніе) не будетъ слушать своей матери, на томъ не будетъ моего благословія“ [34]).

Чѣмъ большую любовь и заботливость предъ своею смертію высказалъ Димитрій въ отношеніи къ своей супруги, тѣмъ тягостнѣе была для нея послѣдняя разлука съ нимъ.

По сказанію его жизнеописателя, день смерти Димитрія Іоанновича для всѣхъ Русскихъ былъ днемъ сильной скорби и туги, слезъ и воздыханій. Вопль и стенанія не умолкали при дворѣ и на улицахъ, потому что изъ потомковъ Ярослава Великаго, кромѣ Владиміра Мономаха и Александра Невскаго, не былъ столько любимъ народомъ, какъ Димитрій Донской. Его великодушіе, заботы о благѣ подданныхъ, великія заслуги отечеству, примѣрная христіанская жизнь, доброта душевная и справедливость привлекали къ нему сердца всѣхъ и

каждаго. Оттого-то кончина сего государя представлялась современникамъ какъ необыкновенно ужасное происшествіе, и повергла Русскій народъ въ страшное горе. Теперь, что же должна была чувствовать при гробѣ умершаго Димитрія его супруга, которая, какъ ближайшее къ нему лицо, лучше всѣхъ знала высокія свойства и доблести его души и больше всѣхъ любила его?.. Прибавимъ къ тому, что горе постигло Евдокію неожиданно.... Вдругъ она увидѣла себя вдовою въ молодыхъ лѣтахъ[35]), съ тяжкими обязанностями имѣть опеку и заботиться о воспитаніи своихъ сыновей, изъ которыхъ младшій былъ четырехдневный младенецъ, а старшему, наслѣднику великокняжескаго достоинства, едва исполнилось 17 лѣтъ. Поэтому горесть Евдокіи, при видѣ умершаго супруга, была глубока, невыразима, въ полномъ смыслѣ этого слова. Вѣра въ Провидѣніе, безъ сомнѣнія, укрѣпляла ее; но отдавая дань человѣческой слабости, великая княгиня не могла не выразить своей скорби въ горькихъ слезахъ и раздирающихъ душу вопляхъ.

Чтобы дать понятіе объ этой скорби и объ этихъ вопляхъ, мы не находимъ лучшаго средства, какъ воспользоваться краснорѣчивымъ изображеніемъ той и другихъ, находящимся въ вышеупомянутомъ жизнеописаніи Димитрія Іоанновича. „Увидѣвши супруга своего мертвымъ, на одрѣ лежащимъ (такъ говоритъ жизнеописатель Димитрія), в. княгиня начала плакать, ударяя руками въ грудь свою: огненныя слезы лились изъ ея очей... Зачѣмъ, воскликнула она, умеръ ты, дорогой мой, жизнь моя, зачѣмъ оставилъ меня одну вдовою?... Зачѣмъ я не умерла прежде тебя... Куда зашелъ свѣтъ очей моихъ? Куда скрылось сокровище жизни моей?... Почто не отвѣтствуешь мнѣ, супругѣ твоей?.. Цвѣтъ мой прекрасный, зачѣмъ такъ рано увялъ ты?... Гос-

подинъ мой, что же не смотришь на меня, не отвѣчаешь мнѣ?.. Ужели ты забылъ меня?... Вотъ мы, я, жена твоя, и дѣти твои... Что же не даешь намъ никакаго отвѣта?... На кого ты оставляешь меня и дѣтей своихъ? Рано заходишь, солнце мое, рано скрываешься, прекрасный мѣсяцъ мой, рано идешь къ западу, звѣзда моя восточная!.. Гдѣ честь твоя, гдѣ слава и власть твоя?... Былъ государемъ всей Русской земли, а нынѣ мертвъ и ничего не имѣешь въ своемъ владѣніи!... Много примирилъ странъ, много одержалъ побѣдъ, а нынѣ самъ побѣжденъ смертію!... Измѣнилась слава твоя, и на лицѣ твоемъ видна печать тлѣнія! Жизнь моя, я уже не могу болѣе находить въ тебѣ источникъ веселія?... Вмѣсто многоцѣнной багряницы ты облекся въ сіи бѣдныя ризы, вмѣсто вѣнца покрылъ главу простымъ платомъ, изъ свѣтлыхъ чертоговъ переселился въ тѣсный и мрачный гробъ!.. Зачѣмъ помрачился свѣтъ мой ясный!.. Если Богъ услышитъ молитву твою, помолись обо мнѣ, княгинѣ твоей, чтобы мнѣ умереть вмѣстѣ съ тобою, какъ мы не разлучены были въ жизни!.. Юность еще не оставила насъ, еще старость не постигла насъ!... Зачѣмъ оставилъ меня и дѣтей своихъ?.. Не много было радостей въ моей жизни съ тобою, вмѣсто веселія, плачъ и слезы были моею долею,—вмѣсто утѣхи и радости—скорбь и сѣтованіе!... Зачѣмъ я не умерла прежде тебя? Тогда я не была бы горькою свидѣтельницею твоей кончины и не чувствовала бы своего несчастія! Ужели ты не слышишь жалобныхъ рѣчей моихъ? Ужели не трогаютъ тебя горькія слезы мои?... Крѣпко уснулъ царь мой... не могу разбудить тебя!.. Съ какой войны пришелъ ты, отчего такъ утомился?.. Звѣри земные идутъ на ложе свое, птицы небесныя къ гнѣздамъ своимъ, а ты, Господинъ мой, на вѣки отходишь отъ дому своего!..

Кому уподоблю и какъ назову себя? Вдовою ли? но я не знаю сего имени. Женою ли? но царь—супругъ мой оставилъ меня!.. Вдовы старыя, утѣшьте меня!.. Юныя вдовы, плачьте со мною! Что можетъ быть горестнѣе несчастія вдовы?.. Какъ оплакать и какъ выразить мнѣ свое горе?.. Боже Великій, Царю царей, будь моимъ заступникомъ! Пресвятая Богородице! Не оставь меня и не забудь меня во время печали моей!..“ [36]). Этою молитвою оканчивается плачъ Евдокіи надъ гробомъ ея супруга.

На другой день послѣ смерти, тѣло Димитрія Іоанновича принесено было въ соборъ Архангела Михаила, и послѣ обычныхъ обрядовъ положено было рядомъ съ тѣлами отца его, дѣда и прадѣда. При погребеніи Димитрія, говоритъ лѣтописецъ плакали, князья, бояре, архіереи и весь народъ; не было ни одного человѣка, который бы не плакалъ о потерѣ любимаго государя, и за плачемъ почти не слышно было церковнаго пѣнія. О положеніи и душевномъ состояніи Евдокіи въ это время, лѣтописецъ не упоминаетъ; но это состояніе понятно само собою, и не имѣетъ нужды въ объясненіи. Потеря супруга была для Евдокіи несчастіемъ, ничѣмъ не вознаградимымъ. Прибавимъ къ этому, что она, по своей болѣзни, вѣроятно, лишена была послѣдняго утѣшенія присутствовать при отпѣваніи и погребеніи тѣла Димитрія Іоанновича [37]).

Такъ цѣпь несчастій, горестей и скорбей, изъ которыхъ состояла жизнь Евдокіи во время ея замужества, окончилась горемъ самымъ тяжкимъ,—потерею того, что она имѣла драгоцѣннѣйшаго въ этой жизни.

Оканчивая первый періодъ жизнеописанія великой княгини Евдокіи, мы хотѣли бы въ отдѣльномъ очеркѣ представить характеръ собственно духовной ея жизни,

т. е. ея благочестія и добродѣтелей. Но, къ сожалѣнію, лѣтописцами объ этомъ мало передано намъ, по крайней мѣрѣ, прямыхъ указаній. Сдѣлаемъ впрочемъ въ этомъ отношеніи то, что можно. Выше мы видѣли, что по свидѣтельству лѣтописцевъ, Евдокія во всемъ подобна была и подражала своему супругу. Слѣдовательно мы не погрѣшимъ, если припишемъ ей тѣ же нравственныя черты, которые усвоиваетъ Димитрію его жизнеописатель [38]) На основаніи этого соображенія, мы должны признать, что еще до смерти великаго князя жизнь его супруги, какъ и его собственная, была украшена всѣми христіанскими добродѣтелями и высокими подвигами благочестія. Въ самомъ дѣлѣ, если Димитрій Іоанновичъ по выраженію его жизнеописателя, былъ „око слѣпымъ, нога хромымъ, пристанище несчастныхъ, упокоеніе трудящихся“ то, безъ сомнѣнія, эти черты мы должны приписать и Евдокіи, которой дѣятельность на поприщѣ христіанскаго милосердія мы видѣли при нашествіи Мамая, такъ что она не могла не быть замѣчена лѣтописцами. Какъ и Димитрій, Евдокія отличалась кротостію, любовію ко всѣмъ и каждому, щедростію въ раздаяніи милостей, чистотой и цѣломудріемъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, подобно своему супругу, она прилежно упражнялась въ постоянномъ постѣ и молитвѣ. Каждую ночь долго и усердно молилась, и потомъ послѣ краткаго сна вставала для новаго молитвословія, подражая житію безплотныхъ. Нося царскія одежды, постоянно желая облечься въ иноческія ризы, и принимая отъ всѣхъ почести, носила на раменахъ своихъ Христовъ крестъ; съ усердіемъ посѣщала храмы Божіи и каждую недѣлю пріобщалась Святыхъ Таинъ, желая достигнуть больше духовной чистоты. Господу угодно было, что Евдокія, по выходѣ въ замужство, нашла въ

супругѣ своемъ ревностнаго сотрудника въ подвигахъ благочестія, въ которомъ она была воспитана.

Всѣ исчисленныя нами добродѣтели Евдокіи еще больше процвѣли и сторицею ею пріумножены во второй періодъ ея жизни—во время ея вдовства.

II.

Несчастія скорби, страданія, которыми такъ часто бываетъ усѣяна земная жизнь людей, даже благочестивыхъ, по плану Всеблагаго Промысла, имѣютъ спасительную цѣль. Представляя во всей ясности непорочность и суетность всего земнаго, онѣ, въ душѣ вѣрующаго, истребляютъ послѣдніе остатки земныхъ привязанностей и возбуждаютъ его не прельщаться тлѣнными сокровищами и съ большею ревностію искать сокровищъ нетлѣнныхъ, непреходящихъ. Душа праведника, очищаемая въ горнилѣ несчастій, сильнѣе и сильнѣе возгарается любовью къ Богу и съ постоянно-возрастающею силою просіяваетъ небеснымъ свѣтомъ и внутреннею благодатною жизнію. Такое именно дѣйствіе производили на Евдокію испытанныя ею скорби и душевныя страданія во время ея замужства за Димитріемъ Іоанновичемъ. Онѣ-то приготовили изъ нея ту великую угодницу, какою она является послѣ смерти своего супруга. Искушенная несчастіями, добродѣтель ея становилась все чище и чище, свѣтлѣе и свѣтлѣе. Утверждаясь болѣе и болѣе въ терпѣніи и преданности Промыслу, благочестивая душа ея постоянно возвышалась къ большимъ и большимъ подвигамъ.

Смерть Димитрія Іоанновича была для Евдокіи послѣднимъ самымъ тяжкимъ испытаніемъ, разорвавшимъ всѣ связи ея съ этимъ міромъ. Лишившись самаго драгоцѣннаго, привязывавшаго ее къ временной жизни, те-

перь Евдокія готова была начать жизнь для одного Бога, предать всѣ силы свои, всю себя на служеніе Ему; и нѣтъ сомнѣнія, что теперь всего естественнѣе должно было родиться въ ней желаніе посвятить себя иноческому житію, чтобы безпрепятственнѣе упражняться въ подвигахъ благочестія. Но были важныя причины, которыя удерживали ея благочестивые порывы. Вспомнимъ, что Димитрій Іоанновичъ устно передъ своею смертію и письменно въ своемъ духовномъ завѣщаніи поручилъ сыновей своихъ попеченію своей супруги, завѣщалъ, чтобы они слушались ея совѣтовъ и повиновались ея распоряженіямъ, и вообще представилъ Евдокіи въ семейной и отчасти въ государственной жизни надъ ея сыновьями многія права. Съ этими правами возложены были на великую княгиню тяжкія, но тѣмъ не менѣе священныя обязанности въ отношеніи къ царевичамъ. Мы замѣтили выше, что старшему изъ нихъ, наслѣднику великокняжескаго престола, отъ роду не было еще 17 лѣтъ; и слѣдовательно онъ имѣлъ самую существенную нужду въ руководствѣ и совѣтахъ умной матери на трудномъ поприщѣ управленія государствомъ.

Другіе сыновья Димитрія, Юрій, Андрей, Петръ, Іоаннъ и Константинъ были частію въ юношескомъ, частію въ дѣтскомъ и младенческомъ возрастѣ, и слѣдовательно тѣмъ больше нуждались въ попечительности великой княгини, особенно же послѣдній сынъ, Константинъ, оставшійся, какъ мы видѣли четыредневнымъ младенцемъ послѣ смерти отца. Такимъ образомъ присутствіе Евдокіи при царскомъ дворѣ въ оставшемся семействѣ великокняжескомъ было совершенно необходимо. Вотъ почему, несмотря на ревностное свое желаніе и внутренне влеченіе своего сердца, Евдокія, не только въ первые годы послѣ кончины своего супруга, но и спустя

долго послѣ оной, медлитъ посвященіемъ себя въ иноческій образъ, и дѣлаетъ это уже не задолго до своей смерти, окончивши воспитаніе своихъ младшихъ сыновей,—когда постоянное наблюденіе ея за ними и руководствованіе ихъ становится для нихъ не такъ необходимымъ, какъ прежде.

Между тѣмъ Евдокія, имѣя непремѣнное намѣреніе рано или поздно посвятить себя иноческой жизни, стала помышлять объ устроеніи для себя монастыря. Въ это время въ Москвѣ было только двѣ женскихъ обители,— Алексіевская, которой 1-я игуменья Іуліанія (скончавшаяся въ 1393 году) была основательницею въ Москвѣ общежитія въ женскихъ монастыряхъ [39]), и другая — Рождественская, устроенная по образцу первой Маріею (во иночествѣ Мароою), матерью Владиміра Храбраго, скончашеюся въ 1390 году [40]). И вотъ Евдокія, желая содѣйствовать распространенію иноческаго женскаго общежительства, рѣшилась послѣдовать благочестивому примѣру Іуліаніи и Маріи, и вознамѣрилась устроить новый общежительный женскій монастырь въ самомъ средоточіи великокняжеской столицы — въ Кремлѣ.

Мысль эта родилась въ душѣ Евдокіи можетъ быть еще при жизни ея супруга, послѣ же его смерти осуществленіе ея сдѣлалось главнымъ предметомъ ея заботъ. Предполагаемый монастырь, независимо отъ общей его цѣли, она хотѣла сдѣлать мѣстомъ своего успокоенія отъ земныхъ трудовъ и заботъ, тайнымъ свидѣтелемъ своихъ подвиговъ въ этой жизни и покоищемъ послѣ смерти. Впослѣдствіи онъ получилъ то же назначеніе, какъ и Архангельскій соборъ: какъ послѣдній былъ мѣстомъ погребенія Московскихъ великихъ князей, такъ и монастырь, основанный Евдокіею, сдѣлался усыпальницею для великихъ княгинь, которыя до того времени

погребались въ Спасско-Преображенскомъ (у Спаса на Бору) монастырѣ [41]. Очень вѣроятно, что и это его послѣднее назначеніе заранѣе было предположено Евдокіею.

Такъ получилъ свое происхожденіе Вознесенскій монастырь!

Къ сожалѣнію, объ основаніи и устроеніи его Евдокіею намъ извѣстно очень немногое. Если и дошли до насъ объ этомъ предметѣ нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія; то эти извѣстія очень кратки и довольно неопредѣленны. Въ лѣтописяхъ мы не находимъ ни означенія времени, когда именно положено было основаніе Вознесенскому монастырю, ни подробностей объ его устройствѣ, ни того, что именно было сдѣлано въ томъ и другомъ отношеніи Евдокіею. Только подъ 1407 годомъ мы читаемъ въ лѣтописяхъ, что великая княгиня Евдокія заложила въ Москвѣ каменную церковь Вознесенія [42]), что, какъ увидимъ, было незадолго до ея кончины. Затѣмъ въ краткомъ сказаніи о жизни Евдокіи, помѣщенномъ въ Степенной книгѣ, говорится, что Евдокія „въ царствующемъ градѣ Москвѣ постави церковь каменную Вознесенія и монастырь честенъ возгради, иже нынѣ есть дѣвическій общежительный монастырь“ [43]). Вотъ почти всѣ прямыя указанія лѣтописей объ основаніи Евдокіею Вознесенскаго монастыря.

Эта краткость и кажущаяся неопредѣленность лѣтописныхъ показаній и еще другія мѣста лѣтописей, о которыхъ мы скажемъ ниже, подала нѣкоторымъ поводъ предполагать существованіе Вознесенскаго монастыря еще прежде смерти Донскаго и приписывать Евдокіи не основаніе, а только возобновленіе обители, существовавшей прежде [44]). При такомъ предположеніи приведенное выраженіе Степенной книги: „монастырь че-

стенъ возгради“, принимаютъ въ смыслѣ возобновленія монастыря послѣ пожара, обнесенія его оградой и проч. [45]).

Но если прямыя извѣстія лѣтописей объ основаніи Евдокіею Вознесенскаго монастыря не совсѣмъ опредѣленны, за то въ замѣнъ ихъ мы имѣемъ другія мѣста изъ лѣтописей, хотя и не прямо указывающія на разсматриваемый нами предметъ, но тѣмъ не менѣе не оставляющія никакого сомнѣнія, что Евдокія была не возобновительницею только Вознесенскаго монастыря, а его первоначальною основательницей, и что онъ не просто обновленъ ею послѣ пожара, а вновь устроенъ, заложенъ. Такъ, въ томъ же сказаніи о жизни Евдокіи, при описаніи шествія ея въ монастырь для постриженія, мы читаемъ, что она „пойде изъ своего царскаго дому въ монастырь, его же сама *создала*, во имя Христова Вознесенія“. При описаніи ея погребенія опять говорится, что она положена была въ церкви Вознесенія въ *своемъ* монастырѣ [46]). Самая наконецъ глава сказанія о житіи Евдокіи, гдѣ, какъ мы видѣли, такъ кратко и неопредѣленно упоминается объ основаніи ею Вознесенскаго монастыря, имѣетъ такое заглавіе: о поставленіи церквей и *началѣ* Вознесенскаго монастыря. Ясно, что сочинитель житія подъ словомъ: „возгради“ разумѣлъ основаніе, начало Вознесенскаго монастыря, а не возобновленіе его. Далѣе, въ лѣтописяхъ, при описаніи преставленія Евдокіи мы читаемъ: того же лѣта іюня въ 7 день преставися великая княгиня Евдокія и положена бысть въ монастырѣ у Вознесенія, иже сама *заложила* [47]). Въ прологѣ въ житіи Евдокіи говорится, что она „пречестную иноческую обитель *воздвиже* во имя Боголѣпнаго Вознесенія“. Наконецъ, къ сказанному не излишнимъ считаемъ присоединить свидѣтельство, издревле сохраняющагося въ Вознесенскомъ монастырѣ, преданія,

которое приписываетъ основаніе сей обители именно Евдокіи. Это преданіе начертано въ самой надписи на ракѣ Преподобной (см. пр. 83).

При такихъ ясныхъ указаніяхъ источниковъ, выше приведенное выраженіе степенной книги: „монастырь честенъ возгради"—мы имѣемъ полное право понимать и объяснять не въ смыслѣ возобновленія, а въ полномъ смыслѣ основанія и устроенія обители, которой прежде не существовало.

Противъ этого возражаютъ: о Вознесенскомъ монастырѣ упоминается въ лѣтописяхъ за нѣсколько лѣтъ ранѣе вдовства Евдокіи; слѣдовательно онъ существовалъ при жизни Донскаго [48]). Дѣйствительно, есть мѣсто въ одной лѣтописи, которое повидимому можетъ привести къ такому заключенію. Это именно извѣстіе подъ 1386 годомъ, что умеръ въ Москвѣ какой-то Симеонъ Ями и погребенъ въ монастырѣ Вознесенія [49]). Но во 1-хъ извѣстно, что какъ у грековъ, такъ и у русскихъ монастырями назывались и на общенародномъ языкѣ доселѣ называются не только монастыри въ собственномъ смыслѣ—иноческія обители, но часто названіе монастыря придавалось и придается и простой приходской церкви, окруженной погостомъ, или точнѣе мѣсту, на которомъ построена и которое находится вокругъ извѣстной церкви [50]). Въ этомъ смыслѣ можно понимать и приведенное замѣчаніе лѣтописца о погребеніи Симеона Ямы, именно, что онъ погребенъ на погостѣ, которому, по общенародному употребленію, лѣтописецъ придалъ названіе монастыря — случай, какіе нерѣдко встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ. Во 2-хъ въ лѣтописи вовсе не говорится, чтобы монастырь, или церковь, гдѣ погребенъ Симеонъ Яма, была въ Кремлѣ; посему остается мѣсто для предположенія, что она была на

посадѣ, или въ предмѣстьяхъ Москвы и вообще внѣ Кремля. Въ 3-хъ, если эта церковь дѣйствительно была въ Кремлѣ и притомъ на мѣстѣ нынѣшняго Вознесенскаго монастыря, то лѣтописецъ могъ назвать ее монастыремъ и потому, что мѣсто, гдѣ она стояла, получило такое названіе впослѣдствіи—во время существованія монастыря, когда была писана лѣтопись. Во всякомъ случаѣ, чтобы не поставить себя въ прямое противорѣчіе съ вышеприведенными свидѣтельствами источниковъ объ основаніи Вознесенскаго монастыря Евдокіею, необходимо принять одно изъ сдѣланныхъ объясненій, и не возводить безъ всякой нужды существованіе и основаніе его къ царствованію Донскаго, или ко временамъ болѣе отдаленнымъ.

Что же именно для Вознесенскаго монастыря сдѣлано Евдокіею? Какъ мы уже замѣтили выше, за исключеніемъ извѣстія о закладкѣ Евдокіею каменной церкви, лѣтописи не передаютъ намъ объ этомъ никакихъ подробностей. Слѣдовательно, для рѣшенія сдѣланнаго нами вопроса мы, по необходимости, должны довольствоваться одними предположеніями, основываясь на соображеніяхъ относительно мѣста, избраннаго для основанія монастыря и обстоятельствъ его устроенія Евдокіею. И такъ, прежде всего, мѣсто для основанія монастыря избрано было Евдокіею у Флоровскихъ воротъ [51]), подлѣ нынѣшней Спасской башни. Оно было памятно для вдовствующей великой княгини тѣмъ, что здѣсь она встрѣчала послѣ Куликовской битвы побѣдоноснаго своего супруга и отселѣ провожала его на доблестный подвигъ. Какъ извѣстно, на этомъ мѣстѣ прежде былъ дворецъ Димитрія Іоанновича [52]) и теремъ Евдокіи, откуда, по сохранившимся, выше приведеннымъ нами извѣстіямъ, она смотрѣла въ слѣдъ своемъ супругу, когда онъ съ

войскомъ удалялся изъ Кремля. Этотъ дворецъ, безъ сомнѣнія пострадавшій въ нашествіе Тохтамыша, Евдокія вѣроятно рѣшилась возобновить и обратить въ келіи для инокинь. Такое предположеніе тѣмъ большую имѣетъ вѣроятность, что въ царствованіе Василія Димитріевича царскій дворецъ мы видимъ уже на другомъ мѣстѣ, именно за Успенскимъ соборомъ на мѣстѣ нынѣшняго новаго дворца. Тамъ были терема и Евдокіи, откуда впослѣдствіи, какъ увидимъ, она торжественно шествовала въ основанный ею монастырь для принятія постриженія [53]). Слѣдовательно прежніе ея терема, равно какъ и покои Димитрія Іоанновича получили уже тогда другое назначеніе. Очевидно, что зданіе дворца было перестроено сообразно съ новымъ его назначеніемъ. Не нужно также прибавлять, что Евдокія должна была сдѣлать новыя постройки, необходимыя для монастыря, какъ то разныя монастырскія службы, ограду и проч.

Почему же Евдокія медлитъ закладкою церкви въ основанномъ ею монастырѣ и была ли въ немъ церковь прежде закладки новой каменной въ 1407 году? Странно было бы, еслибъ на послѣдній вопросъ мы стали отвѣчать отрицательно. Вознесенскій монастырь, по крайней мѣрѣ къ концу жизни его основательницы, является вполнѣ устроеннымъ и совершенно готовымъ, такъ что она могла поступить въ него, принять въ немъ постриженіе и упражняться въ подвигахъ духовной жизни. Такимъ образомъ необходимо предположить, что въ это время тамъ жили инокини и совершалось Богослуженіе, а слѣдовательно и была церковь, въ которой Евдокія приняла постриженіе. Далѣе, каменная церковь Вознесенія, заложенная Евдокіею не задолго до ея смерти, по причинѣ истребленія ея отъ пожара и по другимъ обстоятельствамъ, окончена спустя 60 лѣтъ

(въ 1467 году) [34]) послѣ ея закладки. Однакожъ монастырь во все это время продолжалъ существовать и, конечно, во все это время онъ не могъ обойтись безъ церкви. Между тѣмъ въ лѣтописяхъ мы не находимъ извѣстій о ея построеніи, такъ что, по лѣтописямъ, въ Вознесенскомъ монастырѣ какъ будто вовсе не было церкви ни при жизни Евдокіи, ни послѣ ея смерти, до окончанія заложеннаго ею храма Вознесенія. Такое положеніе дѣла можно объяснить или тѣмъ, что о построеніи новой церкви въ Вознесенскомъ монастырѣ умолчано лѣтописцами, или тѣмъ что на мѣстѣ, гдѣ онъ основанъ, существовала уже церковь, такъ что, на время по крайней мѣрѣ, можно было обойтись безъ построенія новой. Послѣднее предположеніе намъ кажется несравненно вѣроятнѣе. Такое важное событіе, какъ построеніе новой церкви въ Кремлѣ и притомъ въ только-что основанномъ монастырѣ не могло быть опущено лѣтописцами, которые неопустительно упоминаютъ о постройкѣ новыхъ и возобновленіи старыхъ церквей. Вспомнимъ теперь, что на мѣстѣ основанномъ Евдокіею монастыря прежде былъ дворецъ Димитрія Іоанновича и ея собственные терема. Вовсе не будетъ предположеніемъ, если мы скажемъ, что при дворцѣ существовала и церковь, которая была придворною. Съ обращеніемъ дворцоваго зданія въ монастырское, естественно было и бывшую при немъ церковь приписать къ монастырю.

Такимъ образомъ, на основаніи соображеній съ исторіею, мѣстомъ и обстоятельствами основанія Вознесенскаго монастыря, мы пришли къ тому же заключенію, къ какому привело насъ выше разсмотрѣнное нами замѣчаніе лѣтописца о погребеніи Симеона Ямы въ монастырѣ Вознесенія. Теперь становится уже болѣе, нежели

вѣроятнымъ, что если замѣчаніе лѣтописца относится именно къ Кремлю, то онъ подъ именемъ монастыря разумѣлъ простую старую церковь Вознесенія, которая стояла на мѣстѣ нынѣшняго Вознесенскаго монастыря до его основанія и была придворною. Въ какомъ смыслѣ и почему онъ могъ назвать ее монастыремъ, мы уже объяснили выше [55]). Эту же церковь, безъ сомнѣнія, разумѣетъ и другой лѣтописецъ, который говоритъ подъ 1518 годомъ, что въ Кремлѣ разобрали старую церковь Вознесенія [56]). Въ это время, очевидно, она пришла въ совершенную ветхость и была упразднена; посему въ слѣдующемъ 1519 году поспѣшили возобновить, пострадавшую отъ пожара, каменную церковь Вознесенія, заложенную Евдокіею [57]). Что лѣтописецъ подъ выраженіемъ: „разобрали старую церковь Вознесенія", не могъ разумѣть послѣднюю, возобновленную, — это не имѣетъ нужды въ доказательствахъ. Каменная церковь Вознесенія окончена была только 50 лѣтъ передъ этимъ временемъ, и посему странно было бы ее называть старою, особенно когда не существовало новой. И такъ мысль о существованіи, въ основанномъ Евдокіею монастырѣ, прежде построенной церкви,—мысль, которую необходимо принять, чтобы не допустить существованія Вознесенскаго монастыря при жизни и послѣ смерти Евдокіи безъ церкви, и которая совершенно согласна съ обстоятельствами устроенія монастыря, на мѣстѣ прежняго Великокняжескаго дворца, находитъ подтвержденіе въ самыхъ лѣтописяхъ. Лѣтописныя извѣстія, кромѣ того доставляютъ намъ ту выгоду, что они объясняютъ намъ происхожденіе самаго названія Вознесенскаго монастыря. Такъ какъ старая, существовавшая при дворцѣ Димитрія Іоанновича, церковь, по лѣтописямъ, была во имя Вознесенія; то и

новоустроенный Евдокіею монастырь посвященъ этому празднеству и получилъ наименованіе Вознесенскаго.

Теперь, принявъ въ соображеніе существованіе, на мѣстѣ основаннаго Евдокіею монастыря, прежде придворной церкви, не трудно уже объяснить, какимъ образомъ онъ могъ быть вполнѣ устроеннымъ до закладки новой каменной церкви и прежде окончанія ея, и какимъ образомъ Евдокія могла откладывать такъ долго эту закладку, вполнѣ устроивъ основанную ею обитель? Очевидно, что старая придворная, существовавшая на мѣстѣ ея основанія, церковь, обращена была въ монастырскую, и въ ней совершалось богослуженіе какъ при жизни Евдокіи, такъ и послѣ ея смерти, пока не окончена была заложенная ею каменная церковь. Въ ней Евдокія и приняла постриженіе.

Церковь эта, подобно дворцу, пострадавшая въ нашествіи Тохтамыша, конечно была возобновлена,—и это возобновленіе разумѣется было первымъ дѣломъ Евдокіи при устройствѣ монастыря [58]). Затѣмъ, безъ сомнѣнія слѣдовало возобновленіе и перестройка, сообразно съ новымъ ихъ назначеніемъ для келій, царскихъ теремовъ, постройка новыхъ зданій сообразно съ потребностями монастыря, обнесеніе его оградой и снабженіе всѣмъ нужнымъ. Въ это же самое время Евдокія, вѣроятно, приготовляла матеріалы для предположенной ею новой каменной церкви. Если такое важное дѣло, какъ устроеніе новаго монастыря, требовало большихъ заботъ и трудовъ, то не меньшаго требовала труда и приготовленій постройка каменной церкви. И такъ частію поэтому, а частію потому, что при монастырѣ была старая церковь, въ которой можно было совершать богослуженіе, Евдокія медлила закладкою но-

вой каменной церкви, тѣмъ болѣе, что во все это время на ней лежали заботы о воспитаніи ея сыновей.

Медлительность Евдокіи закладывать новую церковь объясняется такъ же и тѣмъ, что, занимаясь устроеніемъ Вознесенскаго монастыря, она въ тоже время была занята сооруженіемъ храмовъ Божіихъ и монастырей въ другихъ мѣстахъ, именно: во 1-хъ построеніемъ храма во имя Рождества Богородицы, на своемъ царскомъ дворѣ, во 2-хъ построеніемъ церкви во имя Іоанна Предтечи въ Переяславлѣ и устроеніемъ тамъ же монастыря; и въ 3-хъ сооруженіемъ другихъ монастырей и церквей, о которыхъ лѣтописцы не оставили намъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній.

Скажемъ прежде о сооруженіи Евдокіею церкви Рождества Богородицы на царскомъ дворѣ. Праздникъ Рождества Богородицы, какъ извѣстно, ознаменованъ незабвенною въ нашей исторіи побѣдою надъ Мамаемъ. Руководствуясь чувствомъ признательности за одержанную имъ побѣду, Димитрій Іоанновичъ хотѣлъ увѣковѣчить этотъ день сооруженіемъ храмовъ Божіихъ, гдѣ бы вѣчно возсылались хвалы всевышнему, благословившему Русское оружіе. Еще отправляясь въ походъ противъ татаръ, онъ далъ обѣщаніе устроить монастырь въ честь Богоматери. Возвратившись въ Москву съ побѣдою надъ врагами и притомъ одержанною въ праздникъ, посвященный Богоматери, онъ не замедлилъ исполнить свой обѣтъ, и, при пособіи Преподобнаго Сергія, устроилъ въ честь ея обитель на рѣкѣ Дубенкѣ (Строминскій монастырь) [59]). Въ память той же побѣды Димитрій Іоанновичъ построилъ церковь Рождества Богородицы на Старомъ Симоновѣ [60]) и церковь Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ [61]). Супруга Димитрія, во всемъ подражавшая его благочестивымъ дѣяніямъ, также хо-

тѣла увѣковѣчить память о знаменитомъ днѣ Куликовской битвы, и, послѣ смерти Димитрія Іоанновича, рѣшилась соорудить храмъ во имя Рождества Богородицы на своемъ царскомъ дворѣ. Тамъ была прежде небольшая деревянная церковь во имя Воскрешенія Лазаря. Она была разобрана, и на мѣстѣ ея воздвигнута новая каменная, долженствовавшая служить прочнымъ памятникомъ побѣды Россіянъ надъ Татарами. Новая церковь была построена съ великолѣпіемъ и изяществомъ, и снабжена золотыми и серебрянными сосудами, иконами, книгами, и всѣмъ, потребнымъ для храма. Евдокія не щадила ни трудовъ, ни издержекъ для сего важнаго дѣла. Но и прежняя церковь во имя праведнаго Лазаря, замѣчаетъ лѣтописецъ, не была упразднена, а сдѣлана была придѣльною при новосооруженной церкви. Наконецъ къ началу 1393 года было все готово. 1-го февраля митрополитъ Кипріанъ освятилъ новую церковь великимъ освященіемъ. При этомъ торжественномъ событіи, кромѣ храмоздательницы, присутствовалъ великій князь Василій Димитріевичъ и братья его: Юрій, Андрей, Петръ и Константинъ [62]). Чрезъ два года послѣ освященія (въ 1395 году), стѣны этой церкви внутри были чудно расписаны живописцами, греческимъ монахомъ Θеофаномъ и Симеономъ Чернымъ съ учениками [63]).

Вѣроятно, около тогоже времени воздвигнута была Евдокіею церковь во имя Іоанна Предтечи въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Почему именно Евдокія свою благочестивую дѣятельность устремила на этотъ городъ,— объяснить не трудно. Въ Переяславлѣ, какъ мы выше видѣли, первоначально укрывалась она отъ Тохтамышева нашествія. Отправившись изъ Москвы за нѣсколько дней до ея взятія Татарами, Евдокія, какъ видно по ходу событій, нѣкоторое время жила въ Переяславлѣ, и по

какимъ-то причинамъ медлила своимъ отправленіемъ въ Кострому, которая была цѣлію ея путешествія, и гдѣ тогда былъ ея супругъ. Татары, между тѣмъ, взявши Москву, устремились между прочимъ, къ Переяславлю и тамъ, по извѣстію Никоновской лѣтописи, едва не захватили въ плѣнъ великой княгини. Москва была взята Тохтамышемъ 26 августа; около 29 августа татары могли быть уже въ Переяславлѣ. Очень можетъ быть, что въ этотъ именно день Евдокія подвергалась опасности отъ Татаръ и спаслась отъ ихъ погони. И вотъ въ память этого, замѣчательнаго въ ея жизни дня и въ благодарность Богу за свое избавленіе отъ угрожавшаго ей плѣна, она созидаетъ въ Переяславлѣ храмъ во имя Іоанна предтечи, котораго память совершается 29-го августа. Церковь эта была построена на берегу рѣки Трубежа, не далеко отъ города [64]). Не нужно дополнять, что она была отдѣлана не съ меньшимъ великолѣпіемъ какъ и храмъ Рождества Богородицы.

Въ Переяславлѣ же Евдокія основала и устроила монастырь, и даже, по извѣстію, Степенной книги, не одинъ, а нѣсколько [65]). Къ сожалѣнію лѣтописи не передаютъ намъ объ этомъ никакихъ подробностей. Въ Переяславлѣ въ древности существовало болѣе десяти (до 12-ти) монастырей, въ послѣдствіи большею частію упраздненныхъ. Изъ нихъ иные, по извѣстіямъ, основаны еще прежде Евдокіи, въ 12-мъ, или 13-мъ вѣкѣ, другіе послѣ нея. О времени же основанія остальныхъ не дошло до насъ точныхъ, или даже вовсе никакихъ свѣдѣній. Таковы монастыри: Ѳеодоровскій женскій, теперь еще существующій; уничтоженные: Горицкій, Князе-Андреевскій, Борисоглѣбскій на горѣ, Борисоглѣбскій—Песоцкій, Христорождественскій, Воздвиженскій (мужскіе); Введенскій, Вознесенскій, Николаевскіе—женскіе.

На основаніи свидѣтельства житія Евдокіи, мы должны признать, что одинъ, или нѣкоторые изъ этихъ монастырей обязаны, или своимъ происхожденіемъ, или, окончательнымъ устроеніемъ Евдокіи, но какіе именно— рѣшить невозможно, по причинѣ отсутствія источниковъ. Нѣкоторые, неизвѣстно на какомъ основаніи, приписываютъ Евдокіи основаніе монастыря Горицкаго, нынѣ приписаннаго къ городскому собору [66]); но этотъ монастырь существовалъ еще прежде Донскаго. Въ половинѣ 14-го вѣка, въ Горицкомъ монастырѣ жилъ и принялъ постриженіе святый Димитрій Прилуцкій [67]); слѣдовательно основаніе его восходитъ ко временамъ древнѣйшимъ, за долго прежде Евдокіи.

По свидѣтельству Степенной Книги, т. е. сказанія о житіи Евдокіи, помѣщеннаго въ этомъ сборникѣ, по волѣ ея сооружены были храмы Божіи и въ другихъ мѣстахъ [68]), но о семъ, подобно какъ и о монастыряхъ, устроенныхъ Евдокіею въ Переяславлѣ, не дошло до насъ подробныхъ извѣстій. Мы даже не знаемъ, въ какомъ, или въ какихъ именно городахъ преподобною Евдокіею сооружены эти памятники ея благочестія.

Занимаясь построеніемъ храмовъ Божіихъ и устроеніемъ Вознесенскаго монастыря, Евдокія, въ тоже время, какъ видно изъ немногихъ случаевъ ея жизни, о которыхъ сохранились извѣстія, принимала нѣкоторое участіе и въ государственной жизни великокняжеской столицы въ дѣятельности ея Государя. Это обнаруживается изъ ея участія въ двухъ замѣчательныхъ событіяхъ царствованія Василія Димитріевича: во 1-хъ въ торжественной встрѣчѣ митрополита Кипріяна, вновь прибывшаго въ 1380-мъ году на московскую митрополію, во 2-хъ, въ незабвенномъ для всей Россіи перенесеніи Влади-

мірской иконы Богоматери изъ Владиміра въ Москву, во время нашествія Тамерлана.

Митрополитъ Кипріянъ посвященъ Константинопольскимъ патріархомъ въ этотъ санъ еще при жизни Святаго Алексія,— съ назначеніемъ быть митрополитомъ всероссійскимъ. Въ 1381-мъ году Димитрій Іоанновичъ дѣйствительно пригласилъ Кипріяна на московскую митрополію, но чрезъ два года (1383 г.) приказалъ возвратиться въ Кіевъ, а на его мѣсто призвалъ прежде имъ же самимъ отвергнутаго, митрополита Пимена, который въ 1380-мъ году самовольно получилъ въ Константинополѣ посвященіе во всероссійскаго митрополита. Тогда начался продолжительный судъ между Пименомъ и Кипріяномъ въ Константинополѣ. Наконецъ Константинопольскій соборъ 1389 г. низложилъ Пимена и призналъ Кипріяна митрополитомъ всей Россіи. Это случилось скоро послѣ смерти Димитрія Іоанновича[69]). Митрополитъ Кипріянъ возвратился изъ Константинополя въ Москву уже въ 1390-мъ году на 4-й недѣлѣ великаго поста; онъ былъ сопровождаемъ двумя греческими митрополитами, многими русскими архіепископами и епископами и большою свитою бояръ. Тутъ-то, когда онъ подъѣзжалъ къ Москвѣ сдѣлана была ему торжественная встрѣча. Еще за нѣсколько верстъ отъ Москвы его встрѣтили бояре и нѣкоторые члены великокняжескаго семейства. Потомъ недалеко отъ Москвы, въ деревнѣ Котлахъ, встрѣтилъ митрополита самъ великій князь. При послѣдней встрѣчѣ присутствовала вдовствующая великая княгиня Евдокія, и вмѣстѣ съ нею сыновья ея,—братья великаго князя, его супруга, множество бояръ и простого народа. Митрополитъ Кипріянъ благословилъ великаго князя, великую княгиню Евдокію, остальныхъ членовъ великокняжескаго се-

мейства, и, вмѣстѣ съ ними, пошелъ въ Москву. Послѣ новой встрѣчи, сдѣланной духовенствомъ у Владимірскихъ воротъ, онъ облекся въ святительскія одежды, отслужилъ молебенъ, и потомъ, въ церкви Спаса, совершилъ Литургію. Великій князь, великая княгиня Евдокія и сыновья ея неотлучно сопровождали его и присутствовали при его служеніи. Послѣ обѣдни всѣ отправились во дворецъ великокняжескій, гдѣ предложено было щедрое угощеніе [78]). Москва и вся Россія радовалась, что послѣ долгихъ смутъ въ московской митрополіи, начавшихся послѣ кончины Святителя Алексія, наконецъ теперь имѣетъ она пастыря всѣми любимаго и уважаемаго, извѣстнаго своимъ благочестіемъ, ученостію и мудростію въ управленіи Церковію. Евдокія же, съ своей стороны, имѣла особенныя причины радоваться прибытію новаго Владыки; въ немъ она видѣла будущаго мудраго совѣтника и руководителя для своего сына, великаго князя Василія Димитріевича еще не опытнаго въ трудномъ дѣлѣ управленія государствомъ.

Другое государственное событіе, въ которомъ, по извѣстіямъ лѣтописей, принимала участіе преподобная Евдокія,—это было избавленіе Москвы и всей Россіи отъ грознаго нашествія Тамерлана. Вѣсть о приближеніи его къ предѣламъ Московскаго государства и о взятіи имъ Ельца, привела въ ужасъ всю Россію. Всѣ ожидали, что отечество подвергнется такой же участи всеобщаго опустошенія, какая постигла его при нашествіи Батыя. Василій Дмитріевичъ, достойный преемникъ своего отца, выказалъ при этомъ необыкновенную твердость духа. Онъ собралъ войско и повелъ его противъ врага тѣмъ же путемъ, которымъ шелъ нѣкогда отецъ его противъ Мамая. Между тѣмъ, силы были далеко неравныя, и по этому ожидали избавленія только свыше. Жители Мо-

сквы наложили на себя строгій постъ и усердно, со слезами молились въ церквахъ, которыя были отверсты съ утра до глубокой ночи. Митрополитъ Кипріянъ почти не выходилъ изъ церкви, молясь за великаго князя и за православное воинство; онъ призывалъ къ себѣ, остававшихся въ Москвѣ, великихъ князей и великихъ княгинь и укрѣплялъ ихъ въ терпѣніи и надеждѣ на избавленіе. Въ это время Евдокія вступила на тоже поприще дѣятельности, на какомъ мы видѣли ее при жизни ея супруга, во время нашествія Мамая. Какъ тогда и теперь, она подавала народу примѣръ твердаго упованія на вышнюю помощь отъ Бога и, вмѣстѣ съ другими, „возсылала къ Нему сугубыя молитвы о избавленіи Россіи отъ предстоящей скорби“ [71]). И вотъ, по ея молитвамъ и внушенію, продолжаетъ ея жизнеописатель, и по повелѣнію сына ея самодержца Василія и первосвятителя Кипріяна, перенесена была изъ Владиміра чудотворная икона Богоматери [72]). Извѣстны и незабвенны чудныя слѣдствія этого достопамятнаго событія: 26 августа (1385 г.) митрополитъ съ епископами и клиромъ, дядя великаго князя Владиміръ Андреевичъ и Евдокія съ великокняжескимъ семействомъ, въ сопровожденіи безчисленнаго народа, со слезами и теплыми молитвами, встрѣтили небесную заступницу на Кучковомъ полѣ; увидѣвъ ее еще издали, всѣ пали ницъ и молили о заступленіи. Въ этотъ самый день и часъ, Тамерланъ въ сновидѣніи увидѣлъ свѣтозарную жену, окруженную сіяніемъ и тьмами молніеносныхъ воиновъ, которые грозно устремляли на него свои острые мечи. Устрашенный этимъ видѣніемъ, онъ тотчасъ велѣлъ войскамъ своимъ идти обратно отъ предѣловъ Россіи [73]). Такъ Евдокія, и во время вдовства своего, должна была еще разъ пережить ужасы татарскаго нашествія! Безъ сомнѣнія,

своими молитвами она не мало тогда содѣйствовала спасенію нашего отечества отъ угрожавшаго ему разоренія.

Вслѣдъ за описаніемъ молитвенныхъ подвиговъ Евдокіи во время нашествія Тамерлана, писатель краткаго ея житія передаетъ намъ нѣсколько частныхъ случаевъ изъ ея жизни, свидѣтельствующихъ о той высотѣ благочестія и святости, до которой она достигла во время своего вдовства. Это именно испытаніе, которому преподобная подверглась отъ людскаго злорѣчія, и нѣкоторыя чудесныя явленія и дѣйствія, которыми Богу угодно было засвидѣтельствовать ея святость предъ людьми [74]).

Дѣла благочестія Евдокіи, какъ то: построеніе церквей, опыты ея христіанскаго милосердія, посѣщеніе храмовъ Божіихъ были въ виду всѣхъ; но немногіе знали о тайныхъ, келейныхъ ея подвиговъ. Послѣ смерти супруга своего, святая Евдокія, по словамъ ея жизнеописателя, стала прилагать труды къ трудамъ, подвиги къ подвигамъ; живя еще въ мірѣ, она вполнѣ отреклась отъ него и изнуряла тѣло свое непрестаннымъ постомъ, продолжительными бдѣніями, молитвою и другими упражненіями подвижнической жизни. Между тѣмъ, подвизаясь для единаго Бога, она старалась скрыть отъ людей свои добродѣтели. Слѣдуя заповѣди Іисуса Христа: „ты же, когда постишися, помажи главу твою и лице твое умый“... (Мат. 6, 17), — преподобная всюду являлась съ веселымъ лицемъ, одѣвалась въ великолѣпныя одежды; даже носила нѣсколько одеждъ, чтобы казаться тучною. Это было поводомъ, что людское злословіе, не довѣряя искренности подвиговъ ея благочестія, видимыхъ всѣми, не пощадило ея добродѣтели, и стало распространять разныя клеветы касательно ея жизни. Евдокію начали обвинять въ пышно-

сти, тщеславіи, даже стали представлять сомнительнымъ ея цѣломудріе. Отъ преподобной не укрылись эти несправедливые слухи, распространившіеся относительно ея жизни; но она молчала и благодарила Бога, что имѣетъ случай претерпѣть ради Его людскую несправедливость. Въ глубинѣ души она рѣшилась перенести до конца жизни неправду клеветниковъ и воздавать имъ за зло добромъ.

Но Евдокію ожидало болѣе тяжкое испытаніе: молва злорѣчія скоро достигла до ея сыновей и глубоко оскорбила ихъ. Одинъ изъ нихъ, Юрій, былъ до того смущенъ и обезпокоенъ этою, быстро разнесшеюся молвою, что не могъ скрыть своего безпокойства отъ своей матери. Тогда преподобная рѣшилась освободить сыновей своихъ отъ тяготѣвшаго надъ ними смущенія и, призвавъ всѣхъ ихъ къ себѣ, сказала имъ: „не смущайтесь, любезныя дѣти мои! Я съ радостью хотѣла претерпѣть Христа ради всякое уничиженіе и людское злословіе; но увидѣвъ одного изъ васъ смутившимся, рѣшилась открыть вамъ то, чего не открыла бы никогда и никому въ мірѣ. Узнаете, дѣти мои, истину, и да не смущаютъ васъ дошедшія до васъ несправедливыя обо мнѣ клеветы“. Съ послѣдними словами она открыла часть своей одежды на груди, и сыновьямъ ея представилось поразительное явленіе: отъ чрезмѣрнаго воздержанія, отъ усильныхъ трудовъ и подвиговъ, тѣло ея изсохло, почернѣло и плоть прильнула къ костямъ. Юрій и братья его ужаснулись, узнавъ истину, и молили мать свою о прощеніи, что они дозволили себѣ, если не довѣрять, то, по крайней мѣрѣ, колебаться и смущаться разнесшимися о ней несправедливыми слухами. Конечно, теперь они на все готовы были, чтобы уничтожить людскую молву и обнаружили намѣреніе нака-

зать виновниковъ клеветы. Но преподобная Евдокія строго запретила имъ всякую на это попытку. Не желая освободить себя отъ бремени злословія ради имени Господа, она потребовала отъ своихъ сыновей, чтобы они никому не объявляли о томъ, что узнали о ней, и оставили бъ въ покоѣ поношающихъ ее клеветниковъ. „Одинъ Богъ, сказала она, есть судья человѣческихъ дѣлъ. Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ и утвердитъ насъ въ любви своей. Отъ него одного мы должны ожидать избавленія отъ всякаго искушенія и отъ всякаго навѣта вражія". Такимъ образомъ давъ сыновьямъ своимъ наставленіе и много утѣшивъ ихъ, она отпустила ихъ съ миромъ [74]).

Послѣ сего пришествія, замѣчаетъ жизнеописатель Евдокіи, она съ новою ревностію стала подвизаться въ благочестіи и съ большимъ усердіемъ начала молиться о себѣ, о сыновьяхъ своихъ и о всей державѣ ихъ, и Господь исполнялъ прошенія ея [75]).

О своей кончинѣ преподобная Евдокія предъизвѣщена была отъ Бога явленіемъ ей ангела за нѣсколько времени до ея преставленія отъ сего міра. Чудесныя слѣдствія сего явленія были видимы всѣми, и чрезъ это Господь, безъ сомнѣнія, хотѣлъ явить міру святость и добродѣтели своей угодницы. Въ сказаніи о житіи преподобной Евдокіи такъ изображается это чудесное явленіе: когда блаженная увидала небеснаго вѣстника, то такъ поражена была пресвѣтлымъ его видомъ, что не могла говорить, и нѣсколько дней пребывала въ молчаніи. Только знаками она показывала, чтобы призвали иконописца, который бы изобразилъ на доскѣ видѣннаго ею Ангела. Когда образъ былъ написанъ и принесенъ къ Евдокіи, она поклонилась изображенному на немъ ангелу, но не могла сказать ни одного слова

и знаками показывала, чтобы написали икону ангела другимъ образомъ. Вновь написанное изображенiе также представляло не того ангела, который являлся въ видѣнiи преподобной; она воздала ему поклоненiе, но языкъ ея оставался заключеннымъ. Наконецъ иконописецъ изобразилъ на иконѣ Архистратига Михаила. Едва принесенъ былъ этотъ образъ, и Евдокiя воздала ему поклоненiе, какъ разрѣшился языкъ ея. Вдругъ она начала говорить и велегласно благодарила и славила Бога, что онъ по неизреченной своей благости отверзъ языкъ ея. Блаженная объявила во услышанiе всѣхъ, что она видѣла въ бывшемъ ей видѣнiи того самаго ангела, котораго изображенiе написано было на послѣдней иконѣ, т. е. Архистратига Михаила. Образъ сей, служившiй памятникомъ чудеснаго избавленiя преподобной отъ нѣмоты, она почитала съ особенною любовiю, съ благоговѣнiемъ поклонялась и лобызала его и въ послѣдствiи поставила въ созданномъ ею храмѣ Рождества Богородицы [76]).

Предвозвѣщенная близость кончины, давнее желанiе жить и трудиться для одного Бога и окончанiе священной обязанности воспитанiя сыновей,—побудили наконецъ преподобную Евдокiю оставить царскiй домъ съ его суетными заботами, для котораго теперь она не такъ необходима была, какъ прежде. И такъ, говоря словами ея житiя, она рѣшилась отлучиться отъ временнаго царства и облечься въ иноческiй образъ, чтобы совершенно поселиться въ сооруженномъ ею монастырѣ и найти тамъ для себя мѣсто покоя какъ въ сей жизни, такъ и по смерти. Самый монастырь предметъ ея постоянныхъ и неусыпныхъ заботъ и трудовъ, давно пришелъ къ концу своего устройства. Въ немъ давно уже были устроены келiи для игуменьи и сестеръ и совер-

шалось богослуженіе въ старой обновленной церкви Вознесенія. Конечно въ немъ давно уже жило много благочестивыхъ отшельницъ, можетъ быть избранныхъ самою Евдокіею, которыя усердно молились о ея долгоденствіи и спасеніи. Для благолѣпія монастыря, его основательницѣ оставалось только исполнить послѣднее свое желаніе,— соорудить въ немъ новую каменную церковь въ замѣнъ старой, можетъ быть, приходившей въ ветхость по причинѣ своей древности [77]) Возможность имѣть ближайшее наблюденіе надъ постройкой новой церкви, для которой уже готовы были всѣ нужные матеріалы, была для Евдокіи, вѣроятно, также однимъ изъ побужденій къ ея рѣшимости скорѣе принять постриженіе и поселиться въ основанной ею обители.

Шествіе преподобной въ обитель для принятія постриженія ознаменовано было новымъ знакомъ благоволенія и любви Божіей къ праведницѣ. Наканунѣ этого дня ночью было видѣніе одному нищему слѣпцу, уже много лѣтъ страдавшему слѣпотою. Ему явилась во снѣ преподобная Евдокія и обѣщала дать прозрѣніе. На другой день, когда несчастный услышалъ, что она вышла изъ своего царскаго дома и идетъ въ монастырь для постриженія, то не замедлилъ явиться къ ней съ мольбою о своемъ исцѣленіи. Встрѣтивъ преподобную недалеко отъ соборнаго храма Успенія Богоматери, онъ воскликнулъ громкимъ голосомъ: „Боголюбивая госпожа великая княгиня, питательница нищихъ! Ты всегда довольствовала насъ пищею и одеждою и никогда не отказывала намъ въ просьбахъ нашихъ! Не презри и моей смиренной просьбы и исцѣли меня отъ многолѣтней слѣпоты, какъ сама обѣщала, явившись мнѣ въ сію ночь. Ты сказала мнѣ: завтра дамъ тебѣ прозрѣніе;

нынѣ настало для тебя время исполнить твое обѣщаніе“. Блаженная Евдокія, будто не замѣчая слѣпца и не трогаясь его воплями, продолжала свое шествіе. Между тѣмъ какъ бы случайно и нечаянно опустила съ своей руки рукавъ срачицы, который упалъ на слѣпца. Несчастный пришелъ въ страхъ, но укрѣпляемый вѣрою, дерзнулъ взять въ руку опущенную часть одежды преподобной и отереть ею свои слѣпотствующія очи. Тогда обѣщанное ему исцѣленіе не замедлило послѣдовать и слѣпецъ немедленно получилъ прозрѣніе, прославляя Бога и Его святую угодницу [78]).

Въ то же время преподобная Евдокія исцѣлила до 30 человѣкъ недужныхъ, страдавшихъ различными болѣзнями [79]).

Вошедши въ монастырь, преподобная Евдокія немедленно приняла Христово иго; она облеклась въ иноческій образъ подъ именемъ Евфросиніи, какъ мы уже замѣтили выше, въ старой церкви Вознесенія. Это случилось 17-го мая 1407 года—день, который доселѣ празднуется въ Вознесенскомъ монастырѣ въ память постриженія его основательницы [80]).

17-го мая совершилось постриженіе Евдокіи, а 20 числа того же мѣсяца, слѣдовательно чрезъ три дня послѣ своего поступленія въ обитель, она заложила новую каменную церковь Вознесенія [81]). Сооруженіе ея должно было быть окончательнымъ дѣломъ въ устроеніи монастыря. Въ новой церкви Евдокія, вѣроятно, заранѣе приготовила и мѣсто для своего временнаго покоя послѣ преставленія отъ сего міра. Замѣчательно, что закладка новой церкви совершена была въ незабвенной для Евдокіи и для всего московскаго государства день погребенія Димитрія Іоанновича. Можетъ быть она хотѣла почтить этимъ память своего супруга.

Но преподобной Евдокіи не суждено было окончить начатаго ею дѣла. Изнуренная трудами, несчастіями и чрезмѣрною строгостію своей подвижнической жизни, она скончалась скоро послѣ закладки новой церкви Вознесенія, и именно, въ томъ же году іюля въ 7-й день [82]). Оплаканная сыновьями своими, боярами и всѣмъ народомъ, она погребена была въ приготовленномъ заранѣе ею самою мѣстѣ, внутри строившагося тогда храма Вознесенія, гдѣ и доселѣ почиваютъ ея мощи, подъ спудомъ, въ недавно (въ 1822 г.) устроенной, мѣдной высеребренной ракѣ [83]).

Прославленная въ сей жизни, преподобная Евдокія удостоена прославленія и послѣ своей кончины. Много разъ видѣли, что у гроба ея возгаралась сама собою свѣча, никѣмъ не зажженная [84]),—каковое чудесное явленіе служило непререкаемымъ доказательствомъ святости преподобной. Монастырь же ею основанный,—такъ заключаетъ жизнеописатель Евдокіи краткое описаніе ея житія,—„ея молитвами постоянно обогощался всѣми благами и изобиловалъ всѣмъ нужнымъ [85]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Источниками для жизнеописанія Евдокіи служили: 1. «Краткое сказаніе о блаженной великой княгинѣ Евдокіи во инокиняхъ Евфросиніи... помѣщенное въ Степенной книгѣ (Степ. кн. изд. Миллера М. 1775 г., ч. 1. стр. 509—514) и встрѣчающееся отдѣльно въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (напр. Син. рк. № 850); 2) Слово о житіи и преставленіи великаго князя Димитрія Ивановича, Царя русскаго—(помѣщено съ разными варіантами:—въ Соф. Времм. ч. 1., стр. 383—394, въ Полн. Соб. Лѣт. въ прибавленіяхъ къ т. IV, стр. 349 и IV., стр. 104.) 3) Отрывочныя извѣстія и замѣтки, разбросанныя въ разныхъ лѣтописяхъ. Остальные источники указаны на своихъ мѣстахъ.

2) Слово о житіи и преставленіи Димитрія Ивановича царя русскаго. Пол. Соб. т. IV. стр. 350.

3) Димитрій Константиновичъ скончался схимникомъ въ 1383 году году съ именемъ Θеодора. Извѣстно, что для него былъ писанъ такъ называемый Лаврентіевскій (древнѣйшій между сохранившимися списками) списокъ Несторовой лѣтописи, какъ видно изъ находящагося въ концѣ его послѣсловія писца, мниха Лаврентія (Лѣт. Нестора, изд. пр. Тимковскимъ 1824 г. Предисл. стр. VII).

4) Слово о житіи, в. к. Димитрія Іоанновича. Пол. Соб. т. IV., стр. 350.

5) Сказаніе о блаженной в. княгинѣ Евдокіи Ст. кн. ч. 1., стр. 510.

6) Великая княгиня Марія, супруга великаго князя Всеволода III Георгіевича (1176—1212 г.), родомъ Ясыня, оставила по себѣ память своимъ благочестіемъ, мудростію, усердіемъ и любовью къ сооруженію и украшенію храмовъ Божіихъ. Лѣтописцы называютъ ее россійскою Еленою, Θеодорою, второю Ольгою. За 18 дней передъ своею кончиною она подъ именемъ Маρθы приняла постриженіе въ иночество и, давъ мудрыя наставленія своимъ сыновьямъ, скончалась въ 1206

году. Останки ея почиваютъ во Владимірѣ въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ алтарѣ въ придѣлѣ Благовѣщенія. Ист. Кар. т. III. стр. 83 пр. 62 и 142.

7) Сказаніе о блаженной Евдокіи... Ст. кн. 1. 510.

8) Степ. кн. ч. 1. стр. 492. Пол. Соб. т. IV. стр. 352.

9) Бракъ Евдокіи съ Димитріемъ Іоанновичемъ между прочимъ имѣлъ цѣлію скрѣпить союзъ между великимъ княземъ Московскимъ и Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ. Послѣдній, по смерти Іоанна Іоанновича, пользуясь малолѣтствомъ его сыновей, отправился въ Орду и испросилъ себѣ велико-княжескій владимірскій престолъ. Но въ Москвѣ не думали уступать. Совѣтъ бояръ, душею котораго былъ св. митрополитъ Алексій, вмѣстѣ съ малолѣтнымъ княземъ отправилъ посольство въ Орду, которая въ это время раздѣлена была между ханами Абдуломъ и Мюридомъ. Они обратились къ послѣднему, и онъ далъ ихъ князю ярлыкъ на великое княженіе; за тѣмъ, возвратившись въ Москву подъ предводительствомъ молодого князя, пошли съ войскомъ во Владиміръ. Димитрій Константиновичъ не смѣлъ противиться и бѣжалъ, уступивъ тронъ Андрея Боголюбскаго законному наслѣднику. Это было въ 1362 году. Въ слѣдующемъ году, когда другой ханъ Абдулъ, соперникъ Мюрида, прислалъ въ Москву пословъ съ ярлыкомъ на великое княженіе владимірское, то Димитрій принялъ ихъ съ честію и отпустилъ съ дарами. Это разсердило Мюрида, и онъ прислалъ ярлыкъ на владимірское княженіе Димитрію Суздальскому, который такимъ образомъ въ другой разъ сдѣлался великимъ княземъ. Но Димитрій Іоанновичъ, не обративъ вниманія на ханскій ярлыкъ, чрезъ 12 дней явился съ большимъ войскомъ и выгналъ изъ Владиміра своего соперника. Впослѣдствіи Димитрій Константиновичъ снова получилъ ярлыкъ на владимірское княженіе, но уже не принялъ его и, боясь московскаго князя, навсегда отказался отъ своихъ притязаній на престолъ великокняжескій въ пользу Димитрія Іоанновича,—въ замѣнъ чего получилъ отъ него помощь въ своей борьбѣ съ младшимъ своимъ братомъ Борисомъ. Въ благодарность за эту помощь и въ доказательство искренности своего отказа отъ великаго княженія и примиренія съ Димитріемъ Іоанновичемъ, онъ и выдалъ за него дочь свою.

10) Слово о житіи и преставленіи Димитрія Іоанновича. Соф. Вр. 1, 384.

11) Тамъ же стр. 390—391.

12) Мы разумѣемъ рѣшимость московскаго князя отнять у Димитрія Суздальскаго владимірское княженіе, несмотря на данный ему ярлыкъ отъ хана Мюрида. Сл. пр. 9.

13) За годъ еще предъ симъ, Мамай, вѣроятно недовольный Димитріемъ Іоанновичемъ, а отчасти чтобы угодить Ольгерду, союзнику Михаила Тверскаго, далъ послѣднему грамоту на достоинство великаго князя, съ которою Михаилъ, въ сопровожденіи ханскаго посла, и отправился во Владиміръ. Но Димитрій послалъ отрядъ войска, чтобы не допустить туда Михаила и захватить его въ дорогѣ. Вслѣдствіе чего Михаилъ и бѣжалъ въ Вильно. За этимъ слѣдовали походы Ольгерда на Москву. Но такъ какъ Михаилу они не принесли той пользы, какой онъ отъ нихъ ожидалъ, то онъ обратился въ другой разъ въ Орду, откуда и возвратился съ новымъ ярлыкомъ и ханскимъ посломъ Сарыхожею. Кар. V. 11—13.

14) В. к. Михаилъ Ярославичъ Тверской (1304—1319), какъ и Димитрій Іоанновичъ, по своемъ вступленіи на великокняжескій престолъ, встрѣтилъ сильнаго соперника въ младшемъ удѣльномъ князѣ Юріѣ Даниловичѣ московскомъ, который искалъ великаго княженія владимірскаго. Послѣ продолжительной безуспѣшной борьбы съ Михаиломъ Юрію удалось, наконецъ, достигнуть своей цѣли. Онъ успѣлъ склонить на свою сторону молодого хана Узбека, даже женился на его любимой сестрѣ Кончакѣ и (1318 г.) прибылъ въ Россію съ ярлыкомъ на великое княженіе владимірское въ сопровожденіи ханскаго посла Кавгадыя. Михаилъ уступилъ Юрію; но послѣдній хотѣлъ лишить его наслѣдственной области и съ сильнымъ войскомъ пошелъ на Тверь. Въ 40 верстахъ отъ этого города при селѣ Борщеневѣ произошелъ сильный бой, въ которомъ Михаилъ остался побѣдителемъ. Онъ даже взялъ въ плѣнъ жену Юрія Кончаку, его брата Бориса, множество бояръ и самаго ханскаго посла. Плѣнный Кавгадый пріѣхалъ во Владиміръ, и бывши принятъ Михаиломъ съ честію, сталъ увѣрять его въ своемъ расположеніи, клялся быть ему другомъ, во всемъ обвинялъ себя и Юрія и обѣщалъ покровительство въ Ордѣ, а самъ въ тайнѣ строилъ противъ него ковы. Между тѣмъ Юрій явился съ новою ратью. Михаилъ вышелъ противъ него, но по своему миролюбію предложилъ отдать спорное дѣло на судъ хана, обязавшись въ тоже время освободить плѣнниковъ. Къ несчастію Канчака, жена Юрія, скоропостижно умерла, и враги Михаила распространили слухи, будто она была отравлена. Этими слухами воспользовались враги Михаила,

чтобы очернить его въ глазахъ Узбека, и, скоро прибывъ въ орду, они стали устроять погибель великаго князя. Послѣдній между тѣмъ, имѣя чистую совѣсть, спокойно жилъ во Владимірѣ и медлилъ своимъ отправленіемъ въ Орду. Эту медленность Кавгадый представилъ хану въ невыгодномъ свѣтѣ, совѣтывалъ ему послать противъ Михаила войско и увѣрялъ, что онъ никогда не явится въ Орду. Но Михаилъ рѣшился туда отправиться, хотя и былъ извѣщенъ о коварствѣ Кавгадыя; убѣжденія сыновей и бояръ не могли остановить великаго князя пожертвовать собою благу отечества. По прибытіи его въ Орду начался судъ. Коварный Кавгадый былъ главнымъ обвинителемъ и вмѣстѣ судьею; значитъ правосудія ожидать было невозможно. Михаила обвиняли въ непокорности хану, въ задержаніи слѣдовавшей ему дани, въ оскорбленіи ханскаго посла и въ отравленіи сестры хана, жены Юрія; оправданій со стороны обвиняемаго не слушали. Потомъ заковали великаго князя въ оковы, сняли съ него великокняжескія одежды, отобрали бояръ и, надѣвъ ему на шею тяжелую колоду, повлекли его на охоту за Узбекомъ. Мученіямъ, истязаніямъ и лишеніямъ всякаго рода, какимъ подвергали Михаила, не было конца. Кавгадый всячески издѣвался надъ нимъ, выводилъ на торговую площадь, ставилъ предъ собою на колѣна и иронически обѣщалъ помилованіе. Великій князь съ христіанскимъ терпѣніемъ переносилъ всѣ истязанія, упражнялся въ чтеніи псалтири и укрѣплялъ себя исповѣдью и пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ. Ему предлогали спастись бѣгствомъ, но онъ отказался, не желая подвергнуть бѣдствіямъ бывшихъ съ нимъ бояръ. Наконецъ Кавгадыю удалось убѣдить слабохарактерваго Узбека въ виновности Михаила, и, послѣ 24-хъ дневныхъ страданій, онъ былъ умерщвленъ въ своей палаткѣ. Узнавши, что идутъ убійцы, предводительствуемые Кавгадыемъ и Юріемъ, страдалецъ послалъ просить жену хана о заступничествѣ. Но было уже поздно. Татары вломились въ его палатку, схватили его за колоду и ударили головою объ стѣну. За тѣмъ повергли страдальца на землю, мучили, терзали, нещадно топтали пятами; наконецъ одинъ изъ убійцъ ударилъ Михаила ножемъ въ ребро и вырѣзалъ сердце. Послѣ этого палатка была разграблена и тѣло мученика брошено было на поруганіе. Наконецъ оно привезено было въ Москву и погребено въ Кремлѣ, въ Спасскомъ монастырѣ (Кар. т. IV. стр. 104—116). Это ужасное происшествіе въ княженіе Димитрія Іоанновича было еще въ живой памяти у жителей Москвы, и по сходству положенія Михаила и Ди-

митрія въ отношеніи къ хану и его послу не могло не прійти на мысль въ поразительной ясности при представленіи будущей участи великаго князя въ Ордѣ. Въ Сарыхожѣ всѣ думали видѣть коварнаго Кавгадыя, а въ хитромъ Мамаѣ злабодушнаго Узбека, дозволившаго себѣ повѣрить клеветамъ своего посла.

15) Лѣт. Син. библ. у Кар. т. V. пр. 67.

16) Ист. Кар. т. V. стр. 37. Син. Хроногр. рк. №151. л. 806 и 807.

17) Син. лѣт. у Кар. т. V. пр. 70 и 428. Ист. стр. 236 и 237. Син. Хр. тамъ же. Слич. прим. 36.

18) Ник. лѣт. ч. IV. стр. 103.

19) Супр. рук. изд. Кн. М. А. Оболенскимъ. Лѣт. Новг. стр. 105. Пол. Соб. т. VI. стр. 93.

20) Ник. лѣт. ч. IV. стр. 99.

21) Ник. лѣт. ч. IV. стр 119. Тоже съ нѣсколько большею подробностію въ Соф. Врем. ч. 1 стр. 365. Суп. рук. 111.

22) Ник. лѣт. IV. 125. Кар. V. пр. 85.

23) Ник. лѣт. IV. 129.

24) О судьбѣ Евдокіи во время Тохтамышева нашествія лѣтописи говорятъ различно; однѣ, какъ наприм. Троицкая (въ Полн. Собр. Лѣт. т. I. стр. 233), Соф. Временникъ (1. 370), Новгородская (въ Супр. рук. стр. 137), говоря объ отправленіи Дмитрія въ Кострому, вовсе не упоминаютъ о его супругѣ; другія, какъ Новгородская 1-я (Пол. Соб. т. III стр. 92), Архангельская (Кар. V. пр. 90), кратко замѣчаютъ, что великій князь, отправившись въ Кострому, взялъ съ собою супругу и дѣтей, или еще короче, что во время нашествія татаръ на Москву, онъ вмѣстѣ съ княгинею и дѣтьми укрывался въ Костромѣ (О плѣненіи и прихожденіи Тахтамыша царя и о московскомъ взятьѣ, Полн. (Соб. т. IV. приб. стр. 89). Наконецъ Никоновская Лѣтопись и Степенная книга передаютъ о судьбѣ Евдокіи извѣстія подробнѣйшія. Послѣдними извѣстіями мы руководствовались въ нашемъ разсказѣ. Карамзинъ (т. V, пр. 90 Ист. стр. 45) отдаетъ предпочтеніе извѣстію Лѣтописи Новгородской 1-й, какъ современной, которое, по его мнѣнію, противорѣчитъ извѣстіямъ, находящимся въ лѣтописи Никоновской. Но по нашему мнѣнію между той и другой лѣтописью, равно какъ и вообще между всѣми лѣтописными извѣстіями о судьбѣ Евдокіи во время нашествія Тохтамыша противорѣчія вовсе не существуетъ. Это доказывается уже тѣмъ, что всѣ лѣтописи согласно указываютъ на Кострому, какъ на мѣстопребыва-

ніе Евдокіи во время опустошенія Москвы Тохтамышемъ. Разность же между лѣтописными извѣстіями объясняется тѣмъ, что однѣ изъ нихъ говорятъ о происшествіи кратко, другія подробнѣе. Такъ какъ Евдокія оставшись сначала въ Москвѣ, послѣ, черезъ Переяславль точно прибыла въ Кострому, гдѣ былъ великій князь, то нѣкоторые лѣтописцы указываютъ только на это обстоятельство въ ея жизни, умалчивая о ея пребываніи въ Переяславлѣ и Москвѣ и представляя пріѣздъ ея въ Кострому современнымъ и совмѣстнымъ съ пріѣздомъ Димитрія Іоанновича. Другіе же лѣтописцы говорятъ о судьбѣ Евдокіи подробнѣе и полнѣе, и слѣдятъ за всѣми подробностями ея пребыванія въ Москвѣ и Переяславлѣ до пріѣзда въ Кострому. Сомнѣваться въ вѣрности извѣстій, передаваемыхъ лѣтописью Никоновскою и Степенною книгою на томъ основаніи, что 1-я Новгородская лѣтопись и другія ничего не упоминаютъ объ этомъ, значило бы тоже, если бы мы стали сомнѣваться въ вѣрности извѣстія лѣтописи 1-й Новгородской о пребываніи Евдокіи вмѣстѣ съ Димитріемъ въ Костромѣ на томъ основаніи, что другія лѣтописи вовсе умалчиваютъ объ Евдокіи при описаніи Тохтамышева нашествія; или если бы мы стали оспаривать извѣстіе Софійской лѣтописи о пребываніи Димитрія въ Переяславлѣ для сбора войскъ на томъ основаніи, что по нѣкоторымъ другимъ извѣстіямъ (Пол. Собр. т. Ш. 92 т. 1. 233) онъ какъ будто прямо поѣхалъ въ Кострому, не заѣзжая въ Переяславль.

25) Ник. лѣт. ч. IV. стр. 137.

26) Иначе нельзя объяснить этого поступка Димитрія Іоанновича, развѣ предположивъ, что онъ самъ почему либо сдѣлалъ распоряженіе, что Евдокія выѣхала изъ Москвы послѣ него. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Димитрій, оставляя Евдокію въ Москвѣ, имѣлъ въ виду, чтобы жители при отсутствіи его не упали духомъ и, видя среди себя великую княгиню, съ большею увѣренностію надѣялись на скорую отъ него помощь.

27) Сказаніе о Тохтамышевомъ нашествіи... Пол. Соб. т. IV. прибавлен. стр. 85. т. VI. приб. стр. 98. Тоже въ Ник. лѣт.

28) Ник. лѣт. ч. IV. стр. 132, 133.

29) „Ту мало не постигоша великія княгини". Ник. лѣт. VI. 136. Тоже говорится и въ Ст. книгѣ (1. 498), хотя безъ означенія времени, гдѣ и когда именно была погоня. Ст. книга прибавляетъ, что татары гнались и за митрополитомъ Купріяномъ на дорогѣ въ Тверь, но также безъ успѣха.

30) Ст. кн. ч. 1 стр. 498.

31) Новг. 4-я лѣт. въ Пол. Соб. т. IV. стр. 88.

32) Слово о житіи и представленіи в. к. Димитрія Іоанновича, въ Полн. Соб. Лѣт. въ приб. къ т. IV стр. 352—353. Тоже съ нѣсколькими варіантами въ Соф. Врем. 1. 387—390.

33) Тамъ же.

34) Собр. госуд. грам. т. I. № 31, стр. 58—62. Другое завѣщ. Димит. Іоан., писанное прежде тамже № 30.

35) Годъ рожденія Евдокіи неизвѣстенъ. Неизвѣстно также, какихъ лѣтъ она была, выходя въ замужество за Димитрія Іоанновича. Поэтому трудно съ точностію опредѣлить лѣта ея въ годъ его кончины. Сдѣлаемъ впрочемъ въ этомъ отношеніи то, что можно. Выше было замѣчено, что бракосочетаніе Евдокіи съ Димитріемъ Іоанновичемъ совершено было въ январѣ 1366 года, а кончина сего государя случилась въ маѣ 1389 года. Слѣдовательно Евдокія была въ замужествѣ за Димитріемъ около 23-хъ лѣтъ съ половиною. Теперь, такъ какъ извѣстно что по древнему обыкновенію дѣвицъ выдавали въ замужество иногда очень рано,—12 и 13-ти лѣтъ, то можно полагать, что Евдокіи въ годъ смерти ея супруга было около 35-ти, или 37-ми лѣтъ. Вѣроятность этого предположенія подтверждается: во 1-хъ собственными словами Евдокіи въ ея плачѣ, выражающими ея жалобу на молодость; во 2-хъ, нѣкоторыми послѣдующими обстоятельствами ея жизни.

36) Слово о житіи и преставленіи Димитрія Іоанновича въ Пол. Соб. Лѣт. въ приб. къ т. IV. стр. 353—354, т. VI. 108, 109. Также у Кар. т. V. пр. 429. Нѣтъ нужды объяснять, что въ плачѣ Евдокіи надъ гробомъ Димитрія Іоанновича, равно какъ и въ приведенномъ выше плачѣ ея въ день отправленія его въ походъ противъ Мамая, много поэтическаго, вымышленнаго, и какъ тотъ, такъ и другой нельзя считать буквально подлиннымъ. Но съ другой стороны, взявъ во вниманіе современность сказанія о житіи Димитрія Іоанновича съ самыми событіями, общеупотребительность въ древней Руси выраженія душевной скорби въ плачѣ, т. е. въ разныхъ причитаніяхъ надъ умершимъ,—нельзя не признать въ немъ, если не всего-то по крайней мѣрѣ многаго исторически-достовѣрнымъ. Сочинитель житія Димитрія Іоанновича могъ быть свидѣтелемъ его кончины, могъ слышать плачъ его супруги и потомъ, конечно съ нѣкоторыми измѣненіями, внести его въ составленное имъ жизнеописаніе Донскаго.

Если же мы и отвергли бы вполнѣ подлинность, плача, то онъ все-таки будетъ для насъ имѣть важность, какъ изображеніе душевнаго состоянія Евдокіи при гробѣ ея супруга въ томъ видѣ, какъ представлялось это состояніе современникамъ.

37) Вотъ почему, вѣроятно, жизнеописатель Димитрія Іоанновича, говоря со всею подробностію о прощаніи съ нимъ Евдокіи передъ его смертію, о скорби и плачѣ ея надъ его гробомъ, ничего не упоминаетъ о ней, когда описываетъ скорбь народа и бояръ при погребеніи Донскаго.

38) Слово о житіи и преставленіи Димитрія Іоанновича. Соф. Врем. 1. 386—377. Полн. Соб. т. IV. стр. 351, 352.

39) Ист. Кар. т. V. пр. 254. Алексіевскій монастырь устроенъ св. Алексіемъ въ 1360-мъ году по просьбѣ его сестеръ. Игуменья Іуліянія начальствовала въ немъ 30 лѣтъ и собрала вокругъ себя до 90 подвижницъ. Другіе же монастыри, гдѣ не было общежитія и монахини жили отдѣльно—каждая своими трудами, были далеко не такъ многолюдны, какъ Алексіевскій. О мужскихъ монастыряхъ Монгольскаго періода извѣстно, что во многихъ изъ нихъ жило по 2 и по 3 брата. Со введеніемъ общежитія, порядокъ вещей измѣнился: гдѣ было 2 и 3 брата, тамъ стало 12 и 15; гдѣ было 6 и 7, тамъ явилось 20 и 30, а въ иныхъ 40 и болѣе (Соф. Врем. ч. 2. стр. 263). Тоже самое было и съ обителями женскими.

40) Былъ въ Кремлѣ еще монастырь Спасопреображенскій, или Спасскій на Бору, въ которомъ вмѣстѣ съ чернецами, по древнему, нерѣдко встрѣчающемуся, обыкновенію, жили и черницы. (Пам. Моск. Древ. Опис. Спасопреобр. мон.). Вообще женскіе монастыри въ древней русской церкви не такъ скоро пришли къ окончательному устройству, какъ мужскіе. Кромѣ того, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ въ Спасопреображенскомъ, черницы должны были жить вмѣстѣ съ чернецами, многіе женскіе монастыри, гдѣ жили и однѣ монахини, находились подъ управленіемъ игуменовъ. Уже въ 1503 г. при Іоаннѣ III на соборѣ опредѣлено было закономъ, чтобы монахамъ и монахинямъ не жить никогда вмѣстѣ, но быть отдѣльными монастырямъ женскимъ и мужскимъ (Кар. т. VI. стр. 224). Тоже было подтверждено на частномъ соборѣ Новгородскомъ Архіепископомъ Макаріемъ въ 1528-мъ году. На этомъ же соборѣ положено было „отвести игуменовъ въ мужскіе монастыри (изъ женскихъ), а черницамъ дать игуменій благочинія ради“ Соф. Врем. ч. II. стр. 363, 364.

41) Кар. IV. пр. 364. V. пр. 3. Пол. Соб. т. VI. стр. 130.

42) Пол. Соб. Т. V. стр. 256. Кар. т. V. пр. 254.

43) Степ. кн. 1. 510.

44) Памят. Моск. Древ. стр. 205. Полн. Собр. ист. свѣд. о монастыряхъ А. Ратшина 1852 г. въ стат. о Возн. мон.

45) Пам. Моск. Древ. тамъ же. «Какъ въ Степенной книгѣ, замѣчаетъ издатель Памятниковъ, сказано, что Евдокія монастырь честенъ возгради; то вѣроятно не она первая его основала, но вновь устроила, возградила, обнесла оградой послѣ Тохтамышева нашествія, превратившаго всю Москву въ пепелище». А кремлевскія башни и стѣны? Онѣ остались цѣлы. Слѣдоват. и монастырь, если бы онъ существовалъ, по своему положенію, подлѣ Флоровскихъ воротъ, могъ сохраниться отъ пожара.

46) Степ. кн. 1. 513.

47) Соф. Врем. 1. 535.

48) Пам. Моск. Древ. стр. 205, 208.

49) Кар. V. пр. 137. Можно было согласить извѣстія лѣтописцевъ, сдѣлавъ другое предположеніе, именно, что Вознесенскій монастырь основанъ Евдокіею еще при жизни Донскаго. Но во 1-хъ, не понятно. почему лѣтописцы не упоминаютъ о такомъ важномъ событіи; во 2-хъ объ основаніи Евдокіею Вознесенскаго монастыря и другихъ сдѣланныхъ ею постройкахъ. Степенная книга говоритъ уже послѣ описанія смерти Димитрія Іоанновича; въ 3-хъ, при жизни его на мѣстѣ Вознесенскаго монастыря былъ велико-княжескій дворецъ. Странно было бы предполагать существованіе дворца и монастыря на одномъ и томъ же мѣстѣ, или даже существованіе женскаго монастыря подлѣ дворца,—странно тѣмъ болѣе, что на такое предположеніе намъ не даютъ никакого права лѣтописи, которыя навѣрно не умолчали бы объ этомъ.

50) О Древностяхъ Юж. Крыма, соч. Кеппена. 1837 г. стр. 12, 61.

51) Нынѣшнія Кремлевскія башни строены уже при Іоаннѣ III въ концѣ 15 вѣка, но сохранили названія древнѣйшихъ, построенныхъ Донскимъ, и мѣста ихъ не измѣнились. (Кар. V пр. 70). А слѣд. по нимъ безошибочно можно опредѣлять мѣстность тѣхъ, или другихъ зданій,

52) Москвитянинъ 1854 г. № 19. Смѣсь стр. 100, въ статьѣ Любецкаго: Московскія старинныя гулянья и увеселенія.

53) «Пойде изъ царскаго дому своего въ монастырь... Идущи же ей отъ великія Соборныя церкви Пречистыя Богоматери, и се нѣкто

слѣпецъ... и т. д Ст. кн. 1. 513. Когда именно начато и окончено преподобною Евдокіею устроеніе Вознесенскаго монастыря, рѣшить трудно. Нѣкоторые (Хавскаго Указ. Ист. и Геогр. Москвы стр. 35. Ист. Р. Іер. 1 стр. 102) относятъ это дѣяніе Евдокіи къ 1393-му году, вѣроятно, на томъ основаніи, что объ устроеніи Вознесенскаго монастыря въ Степ. книгѣ говорится совмѣстно съ замѣчаніемъ о сооруженіи ею церкви Рождества Богородицы, а о послѣдней извѣстно по лѣтописямъ, что она построена была въ 1393-мъ году. Но такое предположеніе было бы слишкомъ смѣло. Степенная книга, говоря объ основаніи Вознесенскаго монастыря и о другихъ дѣяніяхъ Евдокіи, ясно не имѣетъ притензіи на хронологическую точность. Притомъ, въ Степенной книгѣ и о другихъ всѣхъ постройкахъ Евдокіи говорится вмѣстѣ подъ одною главою; между тѣмъ не можетъ же быть, чтобы всѣ онѣ сдѣланы были въ одинъ годъ;—не говоримъ уже о томъ, что такое важное дѣло, какъ устроеніе новаго монастыря, должно было естественно потребовать много заботъ и времени. Довольно, если мы скажемъ, что устройство Вознесенскаго монастыря начато Евдокію въ первые годы ея вдовства. Но утверждать, что къ 1393-му году онъ былъ оконченъ,—на это лѣтописи и соображенія съ другими занятіями Евдокіи не даютъ никакого права.

54) Кар. VI пр. 629 подъ 1467-мъ годомъ.

55) См. выше стр. 102—105. Можно бы предположить, что Евдокія при основаніи монастыря вмѣстѣ заложила и новую церковь и подъ замѣчаніемъ лѣтописцевъ о построеніи монастыря разумѣть вмѣстѣ и построеніе новой церкви; но въ такомъ случаѣ было бы непонятно, за чѣмъ предъ своею смертію она закладываетъ новую церковь и притомъ такъ же во имя Вознесенія.

56) Кар. VII пр. 383.

57) Кар. тамъ же.

58) Почему о возобновленіи сей церкви не упоминаютъ лѣтописцы? Не потому ли, что во время нашествія Тохтамыша она пострадала очень немного? Можетъ быть, она была только разграблена, самое же зданіе осталось въ цѣлости. Извѣстно, что кремлевскія стѣны и башни уцѣлѣли отъ пожара. По своему положенію недалеко отъ Флоровской башни и кремлевскихъ стѣнъ могла сохраниться и церковь. Въ такомъ случаѣ и возобновленіе ея конечно требовало незначительныхъ поправокъ, снабженія иконами, сосудами, возобновленія иконостаса и проч.

59) Истор. Оп. Сер. Лавры 1842 г. стр. 145.

60) Кар. Ѵ, пр. 122.

61) Ист. рус. народа Н. Полеваго ч. 5, стр. 129.

62) Шестаго сына Димитрія Іоанновича и Евдокіи, Іоанна въ это время не было на свѣтѣ. Онъ скончался чрезъ два года послѣ смерти отца въ 1393 г. Ник. лѣт. IѴ, стр. 191.

63) Жит. Евдокіи въ Ст. кн. 1. 510. Пол. Соб. т. VI стр. 123, 124, Ник. лѣт. 4. 254. Кар. Ѵ пр. 254. Прол. подъ 7-мъ Іюля. Также Син. Хр. № 151. стр. 823. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ надъ симъ, сооруженнымъ Евдокіею храмомъ, воздвигнутъ былъ новый въ честь Рождества Богородицы, а прежній деревянный переименованъ во имя Воскресенія Лазаря. Наконецъ послѣ многихъ бѣдствій отъ пожаровъ, разореній и опустошеній, храмъ Рождества Богородицы въ недавнее время былъ возстановленъ въ первобытномъ стилѣ по повелѣнію блаженной памяти Императора Николая 1-го. Теперь онъ находится въ нижнемъ этажѣ теремнаго дворца. Пам. Моск. Древ. стр. 222.

64) Ст. кн. 1. 510. Прол. подъ 7 ч. Іюля. Син. Хрон. № 151 л. 823. Ник. лѣт. IѴ 254.

65) «Въ Переяславлѣ же постави церковь близъ града и монастыря устрои». Ст. кн. 1. 510.

66) Пол. соб. ист. свѣд. о монастыряхъ А. Ратшина 1852 г. стр. 47.

67) Геогр. словарь Щекатова ч. 2, стр. 62. Ист. Р. Іер. ч. 3 стр. 744.

68) «Прочая жъ святыя церкви отъ благаго ея произволенія инде поставлены быша во славу Божію». Ст. кн. 1. 510.

69) Ист. Р. Церкви Еп. Фил. ч. II, стр. 120—123.

70) Ник. лѣт. IѴ, 193. Кар. Ѵ, пр. 252.

71) Ст. кн. 1. 511.

72) По извѣстію повѣсти на Срѣтеніе Влад. иконы (Ст. кн., гл. 24, стр. 534—537) мысль о перенесеніи изъ Владиміра въ Москву иконы Богоматери, пришла въ одно и тоже время великому князю, бывшему тогда въ станѣ, и митрополиту Кипріану, остававшемуся въ Москвѣ (Ст. кн. 1. 547) Софійскій Временникъ (1. 409) и другія лѣтописи представляютъ дѣло иначе, именно, что Василій Дмитріевичъ прислалъ изъ стана къ митрополиту Кипріяну повелѣніе, чтобы перенесена была икона. Въ томъ и другомъ извѣстіи вовсе не упоминается о великой княгинѣ Евдокіи. Но указанное нами мѣсто изъ ея житія ясно свидѣтельствуетъ объ ея участіи въ этомъ дѣлѣ. И

дѣйствительно, Евдокія, бывши еще при жизни своего супруга нѣсколько разъ свидѣтельницею татарскихъ нашествій, теперь какъ уже наученная опытомъ, всѣхъ скорѣе могла подать благой совѣтъ искать помощи свыше.

73) Ст. кн. 1. 549—554. Пол. Соб. т. V, стр. 248, 249. VI 125—128.

74) Сказаніе о блаженной в. княгинѣ Евдокіи... Ст. кн. ч. 1, стр. 511—514. Житіе ея въ Прологѣ, подъ 7-мъ числомъ Іюля.

75) Ст. кн. 1, стр. 512. Прол. тамъ же.

76) Ст. кн., стр. 513.

77) Предполагаемая нами, старая церковь Вознесенія была, вѣроятно, деревянная. Въ древней Руси каменныя церкви были такъ рѣдки, что построеніе каждой изъ нихъ составляло цѣлое происшесвіе и непремѣнно вносилось въ лѣтописи.

78) Прологъ подъ 7-мъ ч. Іюля. Сказаніе о блаж. Евдокіи въ Ст. кн. 1. 513. 514.

79) Тамъ же.

80) Рукописное послѣдованіе великія паннихиды въ память преп. Евдокіи, хран. въ Возн. мон. л. 20 об.

81) См. выше примѣч. 42.

По извѣстію лѣтописей при жизни преподобной Евдокіи для сооруженія заложенной ею новой церкви, сдѣлано очень немного. Начатое ею продолжала Софія, супруга Василія Димитріевича; но скоро, еще не достроенная церковь Вознесенія повреждена была пожаромъ и, какъ мы выше замѣтили, стояла въ такомъ видѣ 60 лѣтъ. Наконецъ Марія, супруга Василія Василіевича Темнаго рѣшилась возобновить ее и къ 1487-му году окончила (Кар. VI, пр. 629). Послѣ многократныхъ пожаровъ церковь Вознесенія возобновляема была вмѣстѣ съ монастыремъ еще нѣсколько разъ, именно въ царствованіе Василія Іоанновича, Іоанна Грознаго, Михаила Ѳеодоровича, Петра Великаго и наконецъ послѣ пожара 1737 года. Послѣднее возобновленіе ея начато по повелѣнію Анны Ивановны и окончено въ царствованіе Елисаветы Петровны. Послѣ 1812 года, уцѣлѣвъ отъ пожара, храмъ Вознесенія былъ очищенъ и приведенъ въ настоящій видъ. Пам. Моск. Древ., стр. 206, 208 и 209.

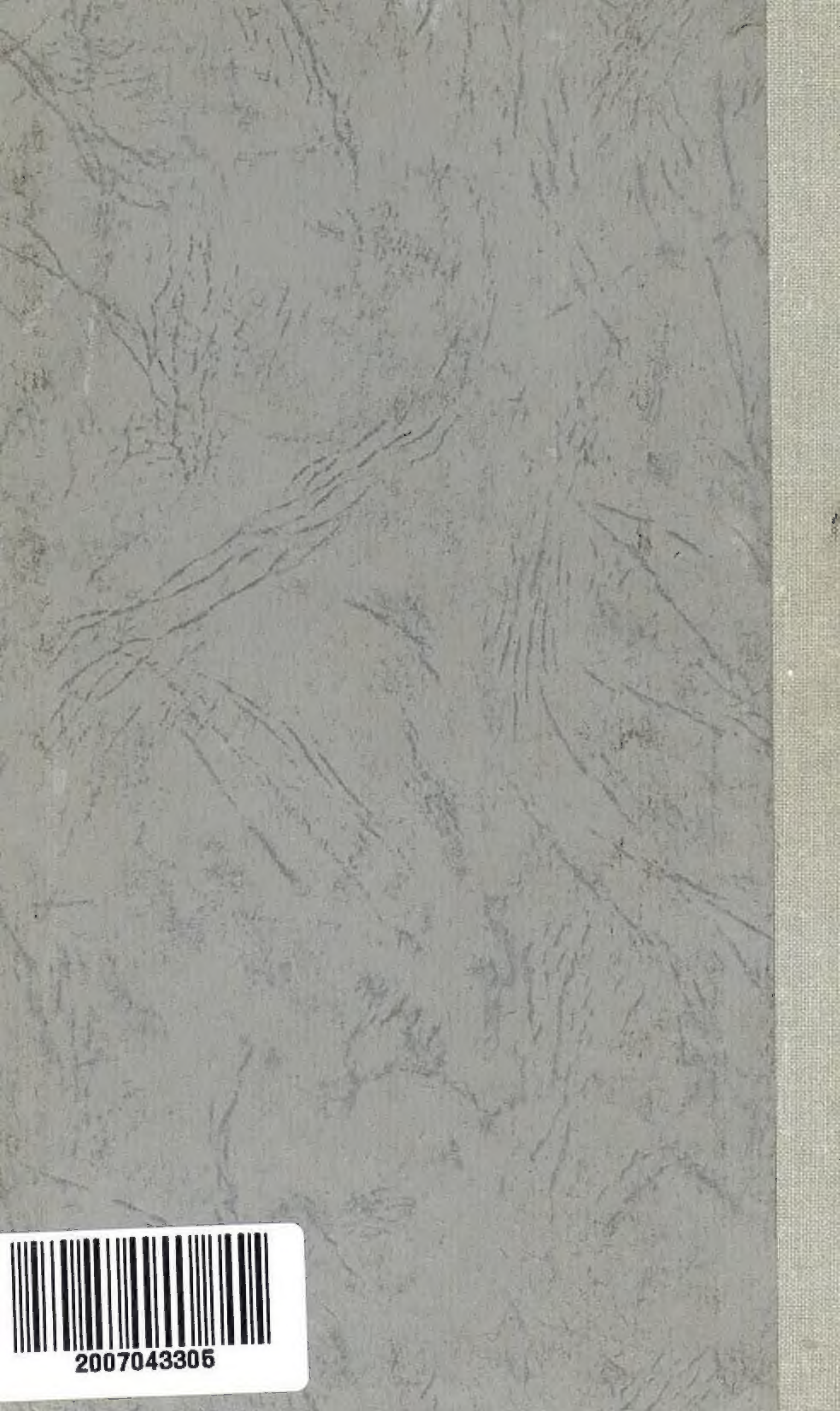
82) По сходству начертанія на письмѣ названія мѣсяцевъ Іюня и Іюля, во многія лѣтописи, при обозначеніи дня кончины преподобной Евдокіи вкралась ошибка. Такъ сказаніе о житіи преп. Евдокіи, помѣщенное въ печатной Степенной книгѣ (Ч. 1, стр. 514)

Соф. Врем. (1. 435) и другіе лѣтописи (напр. Пол. соб. Т. 1, стр. 233. Т. V, стр. 256. Кар. V, пр. 245). относятъ кончину преподобной Евдокіи къ 7-му Іюня, а не Іюля. Но въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, гораздо вѣрнѣе слѣдовать преданію церкви, которая празднуетъ память блаженной Евдокіи 7-го Іюля, чѣмъ и указываетъ день ея кончины. Съ этимъ указаніемъ согласно и житіе Евдокіи, помѣщенное въ Прологѣ. Замѣчательно, что въ сказаніи о Блаженной Евдокіи, помѣщенномъ въ синодальномъ сборникѣ подъ № 850 (473) кончина ея также обозначена 7-мъ числомъ Іюля, а не Іюня. Какихъ лѣтъ скончалась преподобная Евдокія? Время вдовства ея продолжалась 18 лѣтъ. Слѣд., если принять, что она осталась вдовою, бывши 35-ти лѣтъ, (сличи прим. 35), то годъ кончины ея былъ 53-мъ, или 54-мъ годомъ ея жизни.

83) На верхней доскѣ раки написанъ образъ преподобной, который при устроеніи раки обложенъ былъ серебряною ризой. Самая гробница преподобной Евфросиніи,—древнѣйшая изъ гробницъ, находящихся въ храмѣ Вознесенія,—помѣщается у правой стѣны церкви, недалеко отъ боковой южной двери. На ней вырѣзана слѣдующая надпись: «Сія рака великой княгини Евдокіи, во инокиняхъ Евфросиніи, супруги Димитрія Іоанновича Донскаго, бывшей основательницы сея обители, преставльшейся 1407-го года Мая тридесятаго, благословеніемъ Высокопреосвященнѣйшаго Московскаго Митрополита Серафима, начата дѣлаться рака благовѣрныя княгини Евфросиніи усердіемъ доброхотныхъ дателей, тщаніемъ игуменіи Аѳанасіи, и окончена 1822-го года Февраля дня при Высокопреосвященномъ Московскомъ Архіепископѣ Филаретѣ.

84) Сказаніе о блаженной Евдокіи Ст. кн. 1. 514. Прологъ, въ житіи преп. Евдокіи.

85) Ст. кн. тамъ же.

2007043306